НОВЫЙ ИЕРУСАЛИМ: год 2009

Н.А. Ганина, В.В. Шмидт

Святыня — с. 42; Икона Града Небесного — с. 42 (Русь и Вселенское Православие — с. 45; Избранник Божий — с. 46; Монастырь как пространственная икона — с. 49; Страстная Седмица и Пасха в монастыре — с. 53); Проблемы и нужды реставрации монастыря Нового Иерусалима: Аще Бог не созиждет дому, всуе труждаются зиждущии его — с. 55

Святыня

Мысленно закрываю, загораживаю, отгораживаю эти записи от чьего-то враждебного (не мне, а месту) взгляда...

* * *

«17 июня 1657 г. на освящение деревянной Воскресенской церкви приезжает Царь Алексей Михайлович и называет это место “Новым Иерусалимом”, подтвердив это письменно. Это письмо Царя Патриарх, вложив в особый ковчежец, полагает на место престола будущего каменного собора Воскресения...»[1]

* * *

С первого проблеска в зелени — радушие. Малая дверца в огромных замкнутых воротах, а за ней всё белое, золотое, возвышающееся...

... «ἑξαπτήρυγα, πολυόμματα, μετάρσια, πτερωτά — шестокрилатии многоочитии, возвышающиися пернатии...» —

вся *победная песнь*.

И властно, спокойно: «Входи, входи...»

* * *

За только-московским, только-изразцовым — безмерно большее, непостижимое, как громадный круглый бок ротонды, вдруг оказывающийся рядом, вплотную.

Бок о бок с этим...

* * *

Но сначала земляная церковь свв. Константина и Елены с медной главкой, горящей на солнце и белыми стертыми ступенями, уходящими глубоко вниз.

Внутри всё бело; иконостас небольшой, новый (да и не новый уже); бело и бедно, а ничего как-то и не хочется (не мыслится).

В церкви источник: колодец в приделе слева от Царских Врат (по-нашему, справа).

«Церковка наша...»

* * *

Всю дорогу тучи: леса и тучи, тучи и леса, иногда просветы полей с теми же нитями дождичка из тех же туч; а здесь — разительное солнце, в котором всё сияет (в том числе и недавние лужи). Белые стены, башни, зелень двора, березки. И над всем — золотая глава ротонды, серо-серебряный многоочитый купол.

* * *

(Как я здесь? — Нечаянно: взяли и привезли. Была однажды, в восьмидесятых, с экскурсией; видела немного (по тогдашнему времени и разумению), но всё хорошо запомнила. Три года назад собралась было ехать — отменили электрички. Сейчас с детьми, в середине дня, в малолюдный, безмолвный час).

* * *

Надгробия: черный, «как в Новодевичьем», памятник (образ: нестеровско-васнецовских писем Божия Матерь с Младенцем) и смиренные замшелые, а где и разбитые каменные «гробики»... Белые, со славянской вязью овальные плиты в стене собора.

---

[1] Цит. по: Россия перед Вторым пришествием. Т. 1. СПб., 1998. С. 270.

* * *

Табличка на стене: «Гробница Святейшего Патриарха Никона». В восьмидесятые годы почти легендой, почти «дверью в скале». Не пускали? Мы не пошли? Вернее первое, ибо помнится глухая стена и указующий перст старушки — тихо, таинственно — «*там...*»

* * *

«Наконец мы сошли с Голгофы в то подземелье, где, по преданиям Палестинским, выпала из расселины глава искупленного Адама, где воздвигнут алтарь Предтечи, последнего Пророка о грядущем Христе и где гробница Мелхиседека, бывшего образом Христовым. В Палестине два царственных витязя лежат на страже сего подземного храма, освобожденного ими, — Готфрид и Балдуин, — а здесь избрал себе вечный приют основатель Никон. Его железные вериги зазвенели над гробом в Царственной руке, которая хотела их взвесить»[2].

* * *

Входим. Полумрак; придел, состоящий из двух, разграниченный низкой аркой свода. Никого (при входе, у единственного окна, безмолвная старушка за свечной коробкой, да и то свечи следует самим брать, «на пожертвования»).

Прохожу вперед, под арку, и на самой грани порога (незримого) чувствую внезапный внутренний трепет: осознание *входа*. Если угодно, пауза после приглашения войти — мгновение после прозвучавшего вызова, когда ты, уже видя распахнутую дверь, еще не идешь — словом, та невесомая доля, в которую всё всегда успевает вместиться.

«...Патриарха Никона». Точное чувство *аудиенции*.

Вне паузы физической вхожу и вижу на аналое пред малыми, низкими Царскими Вратами икону в окладе: честная глава св. Иоанна Предтечи. Приложась к образу, ставим свечи в ровный, круговой горкой насыпанный в подсвечнике песок. Гробница под сенью — позади, на грани двух приделов.

Подхожу первой. На темно-алом покрове — золотой Голгофский Крест и надпись

ІС̃ ХС̃

НИ КА

Кладу поклон и прикладываюсь к краю гробницы.

...Да, ибо такие гробницы, вне споров о делах и мыслей о прославлении[3], подобает приветствовать *так*.

Это несомненно.

Сень, покров, пять рубиновых висячих лампад: *пятерица*. Тишина. Величие.

* * *

В ротонду мы заглядывали через окна, сквозь крупные ячеи решетки.

Действует один придел (1/100!). Может быть, в другой части открыт и другой, но основное — необозримое внутреннее каменное, не то рушащееся, не то строящееся...

Осторожные лучи под этим сводом, между колонн...

Кто оглядит его *единым* взором?

* * *

Если будет у России Царь (*на ухо* говорю) — придет он, *Тишайший*, сюда.

* * *

... О действующем приделе.

Большая икона святой Татианы и частица мощей в мощевике-«звездочке». Восьмидесятые годы, *Татьянин день* — как не вспомнить! П.Г. Паламарчук описал это в своей краткой хронике достопамятных событий как «случай в Новом Иерусалиме», достоверно зная: *чудо* в Новом Иерусалиме.

Возле монастыря «...вдруг начали воздвигать какой-то сатанинский объект: совершенно круглый металлический шар высотою под сотню метров, об-

---

[2] *Муравьев А.Н.* Путешествие по святым местам русским. СПб., 1846 (репринт: М., 1990). Ч. 1: Воспоминания о посещении святыни Московской Государем Наследником. С. 170 (речь идет о будущем Императоре Александре II). Примечательно, что при описании Нового Иерусалима А.Н. Муравьев лишь прослеживает сходство или несходство Воскресенского монастыря со святынями Палестины, тогда как в XX в. для мыслителей и исследователей здесь наиболее существенна идея Нового Иерусалима — Иерусалима Горнего (Откровение св. Иоанна Богослова); ср.: *Лебедев Л., прот.* Москва патриаршая. М., 1995. С. 310–332 (со ссылками на М.П. Кудрявцева); *Шмидт В.В.* Палестина Святой Руси (путеводитель с душепопечительным славословием) // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2009. Спецвыпуск к № 2. С. 177–258.

[3] По возвращении в Москве впервые читаю о чудесах при гробнице Патриарха Никона, см.: *Зызыкин М.В.* Патриарх Никон: Его государственные и канонические идеи. Варшава, 1931, 1934, 1938 (репринт: М., 1995). Ч. 2. С. 181, 187–188; ч. 3. С. 317.

тянутый белой пленкой. Он целиком подавил своей нечеловеческой громадой и правильностью всю окрестность. Выяснилось, что это будет полигон для испытания тока высоких напряжений — самый большой в Европе купол, сперва на несколько лет арендуемый военными».

Громада явилась в какой-то из восьмидесятых годов и была увидена нами с Рижской железной дороги на закате, в неизменных ярко-сизых тучах. Бледный жуткий гриб из-под земли. Правильности никакой, даже «нечеловеческой». Ужас. «Кумпол».

В 1985 г. «суровой зимою, утром Татьянина дня — 25 января нового стиля — вышел поутру сторож "объекта"... услыхал за спиной шум, глядь — а купола-то и нет! Он в одночасье сложился и опал. Создатель проекта, только что защитивший на его основе докторскую диссертацию, принужден был отвезти ее вместо ВАК в прокуратуру. Она довольно долго вела расследование и в конце концов списала всё на беспечность рабочих... "По расчетам" шар должен был выдержать десятибалльное землетрясение...»[4].

* * *

Как должно звучать — как звучит здесь: «Христос посреде нас. — *И есть, и будет*».

* * *

На внешней стене ротонды в раме — образ Спасителя: удивительный. Светлое млечное стекло, а в глубине — проявляющийся Лик. (Сын, еще ничего не разобрав, на *тон*: «Как фотобумага!») *Похоже* на запрестольный образ Христа Воскресшего, но вид иной, дивный: не то разрушение всего, кроме Лика, не то явление Лика в пустом стекле.

Внизу, у подножия, розы.

«*Красуйся, ликуй и радуйся, Иерусалиме, Царя Христа узрев из гроба, яко Жениха происходяща...*»

* * *

На той же стене — медный чеканный образ святителя Николая и щель для пожертвований: будто прямо в стену. *Туда*: в саму ротонду.

Старик рядом: «Да — вот он, святитель Николай... моли Бога о нас...» — и на зияние за узорными железными вратами ротонды: «Да... обида-то какая православным...».

* * *

Обойдя всё доступное, проникаем на стены. Ступени, башни — «Сионская», «Давидов дом», «Елизаветинская» — ходы вбок, лазы *вниз*, бойницы и стоки... Надвратная церковь Входа Господня в Иерусалим сейчас *и внутри* белая: пустая, распахнутая, как голубятня (всё еще «музей»... тоже *обида*...). Голуби (один к нам прилетал), галки, везде — присутствие ротонды, зеленые и синие дали за стенами.

* * *

Взгляд от надвратной церкви в сторону сияющей ротонды. Порыв ветра и чувство полета. Всё летит.

* * *

Лучший миг — всё, золотое и белое, под яркими, тёмными, а потом серо-серебряными, изнутри светящимися тучами. Так и до́лжно: Новый Иерусалим, икона Иерусалима Небесного — всегда ввиду туч, под *грозным* небом.

* * *

И всё — в себе, в небе... Ничего нельзя купить, кроме свечей и всюду имеющихся икон. Ничего нельзя взять материального, можно только дать.

А то, что *даром* дается — бери, уноси...

* * *

Места эти... На самом виду и затерянные, смиренные и грозные, пустынные и до краев полные, распахнутые и отъединенные. Места эти — «священника Божия и царя уединена...»

* * *

«Святое ограждение».

© Ганина Н.А., 2009

(монастырь Нового Иерусалима — Москва
2/15–9/22 июня 2004)

[4] *Паламарчук П.Г.* Хроники смутного времени: Новый московский летописец. М., 1993. С. 86–87.

Икона Града Небесного

Земная жизнь Господа нашего Иисуса Христа: Святая Палестина – Русская Палестина
Двусторонняя икона. Иконография В. Шмидта. Иконопись художника лаковой миниатюры Н. Струниной (*Мстерское художественно-промышленное училище*)

Можно сесть в Москве на электричку и примерно через час выйти в Новом Иерусалиме. Это событие невозможно вместить, но это так. Ставропигиальный Воскресенский монастырь Нового Иерусалима основан в 1656 г. Святейшим Патриархом Никоном. Двадцать минут ходьбы — и неожиданно слева на холме за деревьями над высокой крепостной стеной открывается величественный храм с множеством куполов. Через арку под Входоиерусалимской церковью попадаем на монастырскую территорию. Воскресенский собор со многими приделами, куполами с крестами уходит прямо в небо. Душу охватывает почти физическое чувство космичности этого места. Весь монастырь — обращение к Небу, непрестанное, радостное славословие Бога, и поэтому вбирающий в себя, отображающий в себе Божественную любовь, ее мощь, грандиозность и теплоту одновременно. Словами это не выразить.

Монастырь строил Святейший Патриарх Никон. Он нашел под Москвой место, которое по ландшафту напоминало Святую Землю, приобрел эти земли для Церкви и устроил здесь все по подобию Святой Палестины, — тех мест, где ходил Господь в Своей земной жизни. Сюда Патриарх удалился, когда оставил Патриарший престол, дав место цареву гневу и его онасилованию Церкви; из этой обители он был вызван на судилище и отправлен в ссылку. Строительство монастыря завершилось уже без его фундатора — Святейшего Никона. Монастырь был закрыт при большевиках в 1919 г., а в 1941 г. претерпел самое суровое в истории разрушение — был взорван отступавшими от Москвы немецкими войсками. Хотя эта святая обитель и была практически полностью разрушена, как и весь прилегающий к ней город Истра, но уцелели все устроенные и освященные Патриархом Никоном приделы — приделы Скорбного пути и Голгофа, Успенский и Предтеченский, где ныне покоится в гробнице под спудом прах Святейшего.

Воскресную Литургию мы стояли в действующем Успенском приделе. Взгляд притягивали лики вылепленных на предалтарном портале поющих ангелов, еще чуть — и можно услышать их ангельские голоса. В храме отчетливо звучали голоса птиц, хотя они щебетали за его стенами, но это по-

чему-то не удивляло. В конце службы, по отпусте, люди прикладывались и иконам, к ковчежцу со святыней — деснице св. мученицы Татианы (эту великую святыню подарила монастырю сестра Царя Алексея Михайловича Великая Княжна Татьяна Михайловна), целовали крест и вереницей шли к выходу. Прошло какое-то продолжительное время, но небольшой придел все так же был полон — но где же все помещались, все те, кто уже ушел?! Внезапно озарила догадка: Успенский придел вмещает столько людей, сколько придет. Выходим из храма — и наталкиваемся к своему крайнему удивлению на группу туристов-мусульман. Потом узнаем, что как и на Святую Землю, в Подмосковную Палестину едут со всех концов мира люди разных вероисповеданий. Даже не просвещенная светом Православной веры, душа, видимо, чувствует неотмирность этого места.

И вот мы уже за монастырскими стенами — идем по Гефсиманскому саду к скиту Патриарха Никона, или отходной Богоявленской пустыни, куда Святейший удалялся в посты на молитвенное стояние. В саду много поваленных вековых деревьев — в 2002 г. здесь, в каких-то десяти метрах от скита, прошел ураган, сильно повредивший кровлю Воскресенского собора и оставивший много разрушений в городе Истра, но не задевший скита — не сорвавший даже полиэтилена, прикрывавшего строительные леса.

Стоит хмурый весенний день без солнца, но когда мы подходим к скиту, он озаряется радостным солнечным светом. Такое ощущение, что Патриарх Никон приветствует нас.

* * *

Следующая моя поездка в монастырь состоялась неожиданно и была связана с публикацией в 2004 г. трудов Святейшего Патриарха Никона, подготовленных к изданию выпускником философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова и послушником Ново-Иерусалимского монастыря Виктором (Вильямом Шмидтом), который и сопровождал меня в этом паломничестве.

Русь и Вселенское Православие

Монастырь Нового Иерусалима особый — это чувствуют все, кто побывал здесь, если даже и не знают, в чем дело. В чем же особенность этого монастыря в судьбах России и даже мировой истории?

То что в России каким-то чудным образом оказалось возможным создание такого монастыря — ландшафтной (пространственно-архитектурной) иконы, которая более нигде в мире не воплощена — в этом и какой-то особый смысл, некий связанный с Промыслом Божием о мире и его народах знак и тема-задача для ее осознания и народом и Церковью. То что это оказалось возможным для воплощения на Руси во время Патриарха Никона и его руками — тоже, наверное, особый знак. В середине XVII в., когда происходит закладка и строительство этого монастыря, идея Москвы — Третьего Рима уже практически была воплощена, но на повестке стояла куда более великая задача — сохранения Вселенского Православия и освобождения от иноверческого пленения других Православных царств и поместных Церквей. Русские ощутили, уверились в способности взять на себя эту сверхзадачу, понести этот крест. Патриарху Никону — суровому аскету, молитвеннику и выдающемуся государственному деятелю — было суждено стать богомудрым организатором этих свершений, пассионарием эпохи — явить рубеж эпох, поколений, культурных традиций. Он в своем Первосвятительском делании утверждал Новый Израиль, пытался обогатить русское Православие богословским наследием Церквей-сестер — стяжал Русь Святую. Монастырь же Нового Иерусалима как никакой другой зримо воплощал суть этого делания — от собирания в насельники разноплеменных братий до устроения ремесленной школы для детей монастырских трудников, от собирания святынь и древнейших манускриптов и книг для устроения библиотеки до развития школы песенной поэзии, художественных ремесел, книгопечатания и бумажного дела, и т.д. Святого Живоносного Воскресения Христова монастырь Нового Иерусалима становился не только центром, но и образом созидания нового мира — передовых образцов науки, техники и технологий, бережно сохраняющего и развивающего лучшие образцы традиционной культуры народов мира.

Избранник Божий

Именно Патриарх Никон по Промыслу Божию был призван на особое служение в истории Русской Земли. Почему именно он? Какова была его личность?

Патриарх Никон шел и был ведом Господом к этому своему служению. Никита Минов [Минин]

(так его звали в миру) родился в мае 1605 г. в селе Вельдеманово близ Нижнего Новгорода. Путь его жизни прост и величественен — путь от крестьянина до Великого Господина и Великого Государя Святейшего Патриарха. С раннего детства Никита оказался на попечении мачехи, не любившей пасынка и стремившейся его извести, — она то сурово избивала отрока, то пыталась отравить, то сжечь. Претерпевая многие страдания, Промыслом Божиим он все же был сохранен и в двенадцатилетнем возрасте втайне от семьи ушел в монастырь.

В девятнадцать лет под лукавым предлогом Никиту все же вернули в отчий дом, а вскоре он был вынужден принять на себя заботу о хозяйстве и жениться. Но Любовь к Богу и стремление к служению Ему приводит Никиту к священству. Семейная жизнь священника Никиты была недолгой — все трое его детей умирают, и в этом он видит знамение — особый промыслительный знак, а потому он принимает с женой решение принять монашеские обеты — удалиться в монастыри.

Отец Никита уходит в знаменитый Соловецкий монастырь, где и принимает от прп. Елеазара Анзерского постриг с именем Никона. Его духовное делание впечатляет: во славу Божию в молитвенном стоянии он полагал до тысячи поклонов в день, каждую ночь вычитывая Псалтирь.

В 1646 г. будущий Патриарх знакомится с Царем Алексеем Михайловичем, и с этого момента начинается их дружба — сурового, умудренного жизненным опытом и укрепленного духовными подвигами аскета и молодого, а по сути, юного Царя, рано оставшегося сиротой в коварной среде государевых попечителей. Видно, глубина сердца этого сурового аскета и широта души умудренного жизнью пастыря настолько пленили и возвысили дух обремененной государским попечением о народе Божием юной души, что воплотилась уже в русском пределе вековая мудрость: братская любовь возвышает сердца и в этой своей красоте ею утверждаются города, созидаются империи и торжествуют богопросвещенные народы. Так, на Руси воссияла премудрая двоица — явлены во взаимодействии два светила — солнце и луна — Патриарх и Царь — каждый в своем, должном чину и степени, служении.

В июле 1652 г. Царь Алексей Михайлович коленопреклоненно молит митрополита Никона принять на себя Патриарший крест — взойти на Московский Патриарший престол. От Царя, всего синклита и народа Божия, т.е. всего государства Российского была принесена в Успенском соборе Кремля клятва в повиновении Святейшему Патриарху в деле строительства Церкви Христовой, в тех законах и благословениях, которые будут даваться Церковью для устроения жизни мирской, и 25 июля 1652 г. совершилось поставление Никона на Патриаршество.

Прошли всего шесть лет — 10 июля 1658 г. — Никон принимает решение, невероятно тяжелое и для себя, и для Церкви, и для государства — оставляет Патриарший престол, свидетельствуя тем самым о клятвопреступлении — том великом злодеянии царства, которое выразилось в онасиловании Церкви и возведении на Первосвятителя неправд и клевет. Оставляя место цареву гневу и тем полагая повод к его вразумлению, правомыслию и чинособлюдению, Патриарх Никон оставляет Москву и отправляется на молитвенное стояние в свой Воскресенский монастырь Нового Иерусалима. Это кроткое непротивление злу, эта попечительная о мире и согласии любовь явили миру невероятную силу духа Пастыря, ответственного за вверенные его попечению души, а с ними и судьбу Церкви воинствующей, — молитвенника о земном Отечестве и утвердителя этого Отечества в образах отечества Горнего.

Затем, в 1666 г. на Поместном Соборе при участии неканоничных и неполномочных Антиохийского и Александрийского Патриархов страшное клятвопреступление было усугублено — Патриарх Никон был злонамеренно и неправоправно осужден и отправлен в ссылку смирения. Со временем, лишь после его блаженной кончины в 1682 г., царский дом в лице Феодора Алексеевича, как некогда его отец царь Алексей Михайлович принес покаяние митрополиту Филиппу о злодеянии своего деда Ивана Грозного, теперь вновь позаботился о преодолении клятвопреступления — у Вселенских Патриархов было испрошено прощение осужденному. Прощающие грамоты от Патриархов были даны, и согласно им Святейшему Никону не только прощались все вины и он восстанавливался в сонме Патриархов Московских, но и именовался «*столп благочестия неколебимый, Божественных и священных канон оберегатель искуснейший, отеческих догмат, повелений де и преданий неизреченный ревнитель и заступник достойнейший*» (заметим: в общественном сознании Русская Церковь до сих пор имеет именование *никонианской*).

Свидетельства того времени дают нам описание незаурядных духовных и физических способностей этого поистине великого, значительно опередившего свой век, человека — молитвенника и душепопечителя, благоустроителя и благоукрасителя, ревнителя и оберегателя законов святых отец и богомудрых великих князей и царей, смиренного страдальца — Святейшего Патриарха Никона, — человека ответственного, требовательного к себе, снисходительного и кроткого ко всякому кающемуся. Судя по образу его жития, душа его сызмальства взогревалась любовью ко Христу, а примерами для его подвигов были подвиги святых; душа его стремилась к переживанию рисуемого в Откровении Града Небесного, а потом и его приближению-претворению в образе уже земного града во образ той обетованной земли, которую Своими стопами освятил Бого-Человек. Патриарх прозревал стяжаемую Святую Русь в образе монастыря, жизнь в котором всегда боговдохновенна и устроена согласно заповедям Божиим.

Подвиги таких людей производят переворот в жизни народов. История называет их великими. Одаренные от природы, преимущественно пред современниками, светлым и обширным умом, расположенным ко всему доброму сердцем, твердой и могущественной волей, они всей силой своего ума и воли восстают против недостатков своего времени, словом и делом преследуют суеверия, разят пороки, истребляют невежество, и затем на истинно добрых и твердых началах устанавливают новый, лучший, совершеннейший порядок жизни общественной. За это их делание современники, не постигающие высоких их предначертаний, преследуют их ненавистью, клеветой, и нередко осуждают, как врагов общественного благосостояния; и тогда великие люди сходят со своего поприща, но плоды их трудов не исчезают, оставаясь навсегда в веках и разливая свой свет далеко на грядущие поколения. «Вменися озлобление исход их, и еже от нас шествие сокрушение; они же суть в мире; плоды разума их верны, и имя их живо будет во век» (Прем. 3, 2, 3; Сир. 37, 26, 29).

Что дала России симфония властей?

Трудно так сразу определить, что именно. Думаю — очень много, как в позитивном, так и в негативном смыслах (ну а что из этого исторического опыта окажется важным и какие выводы будут сделаны — сожаление или ликование об утраченном, полагание надежд или отвержение возможного — покажет время).

В этот период Русь, преодолев Смутное время и внутреннее разорение, стала мощным государством, которое вело победные войны, расширило свои границы, присоединило к себе порабощенные на тот период земли Белоруссии, Малороссии; все сферы государственно-общественной жизни претерпели качественное изменение: после реорганизации была создана регулярная армия, появились новые экономические модели управления хозяйством, разрабатывались вопросы землеустройства и т.д., в Москве вновь активно начали собирать мудрость — формировать библиотеки, создавали научные и ремесленные школы, Русь начала собирать в своем сердце святыни Вселенского Православия и развивать высокую культуру и искусства. Русская Церковь, преодолев вековой партикуляризм, восстановила духовную связь с Восточными Церквами и приступила к синопсизации своих обрядов и чинопоследований по образцам греческой и малоросской богослужебных традиций. Московская Русь становилась великим православным царством — надеждой и упованием всей православной Ойкумены — Святой Русью, призванной хранить веру Православную. Но свершиться этому величию было не суждено: с 1657 г. начинается перемена в жизни Святейшего Патриарха — злокозненность и тонкая лицемерность недругов Русского государства и Православия внесли разлад меж «собинными» друзьями — поссорили Царя и Патриарха, разорили богомудрую двоицу — и померкло во Вселенной воссиявшее в пределах Святой Руси солнце и угасла луна.

В наступавшие после Патриарха Никона эпохи общественному сознанию суждено было вновь преодолевать себя уже не в духе церковного послушания, христианской любви и кротости, а крутостью петровских реформ, екатерининской моделью англосаксонского просвещения, французским гуманизмом и александровскими дарованиями свобод. Эпохи Петра, Екатерины и Александра в истории России стали не менее значимыми в сравнении с эпохой Патриарха Никона, поскольку вновь титанические усилия были направлены на утверждение и созидание великой Руси «цивилизационного времени», но теперь уже в имперском облике и в совершенно чуждых обществу парадигмах секулярного антропоцентризма. Теоцентризм никоновской эпохи был замещен монархическим абсолютизмом и цезарепапизмом, а соработниками российских государей в эти периоды становились не Святители земли Русской, а государственные ведомства

и учреждения с их государевыми подданными из Тайной канцелярии, Министерств иностранных и внутренних дел, Святейшего Правительствующего Синода и др.

Разорение «собинной» дружбы, симфонии властей — осуждение и ссылка Патриарха Никона — явилось узловым событием для дальнейших судеб Отечества: завершился мир жизни, где всеопределяющим и всеорганизующим началом были боговдохновенность, любомудрие и святоотеческое православие, которые как в некую ссылку уходило вместе с Патриархом Никоном, сменяемые монархическим абсолютизмом и автократизмом. С Патриархом, его стремлением к торжеству Истины в мире дольнем и правоправной славой Горнего в образцах византийской традиции и наследия, уходила великая эпоха возможностей единства православного мира и стяжания образа Святой Руси, уходила эпоха воспитания персонифицированной личности в лоне Церкви в законе благодати Христовой и созидания социально-государственной мощи, ярким примером служения которым и образцом подражания был собственно Святейший Никон — Патриарх Московский и всея Руси. Сокрушение Церкви в XVII в., сокрушилась и монархия и богоустановленность власти в начале XX в., что привело к разорению духовного бытия человека, сокрушению народности и торжеству социальной аномии в конце XX — начале XXI в.

Вот, на наш взгляд, суть симфонии и ее разорения.

Памятником этой великой эпохи остается удерживаемое нашим историческим бытием единство народов Великой, Малой и Белой Руси, стяжавших, радевших и чаявших Русь Святую. Символом же и олицетворением ее является непревзойденный шедевр национальной и мировой культуры — Никонова строения Воскресенский монастырь Нового Иерусалима, порушенный и забытый, а ныне возрождаемый...

И до тех пор, пока история и культура хранит этот грандиозный символ-знак-текст, представляющий богословско-философскую систему мироздания в ее ортодоксальной парадигме, в которой мир Горний одновременно и прообразовывается иеротопией иконотопоса посредством теофании святынь в мире дольнем, и является довлеющим последнему иератическим «алфавитом-лествицей», пока славяно-русский мир хранит эту архитектурно-метафизическую «сказку» — монастырь Нового Иерусалима, который своей реалистичностью восполнил утраченную при замещении глаголицы кириллицей идеографическую четкость картины мира и стал масштабным текстом православной цивилизации, удерживающе-сохраняющим денотат-семантическую сочленяемость артефактов ортодокс-славянской культуры, развивая семантику, грамматику и логику в ее совокупном культурном тексте, до тех пор будет жив и русский мир в его историческом преемстве. А потому, наверное, все еще можно полагать надежды на будущее Руси-России, будущий масштаб которой проявляется ныне посредством в том числе и масштабом радения о доме Божием не только людей церковных, но и светских, не только священноначалия, но и властителей гражданских.

Монастырь как пространственная икона

Территория подмосковной Русской Палестины весьма своеобразна, — продолжает свой рассказ В. Шмидт, — здесь срабатывает принцип иконографического соответствия, когда икона есть окно в мир Горний, и через это окно исходит в наш дольний мир благодать первообраза, Божественные энергии. Новый Иерусалим, являясь иконой и Горнего мира, и образом — иконой земного, палестинского древнего Иерусалима, вносит в наш мир, преображая его, ту энергию Божию, которую человек может ощущать лишь духом.

Значительным и крайне важным оказывается то, что Библейские книги имя Иерусалима усваивают Царству Небесному (Откр. 3, 12; 21, 2, 10), которое ап. Павел называет «вышним», «небесным» Иерусалимом — «новым Иерусалимом», «святым Иерусалимом новым», «святым Иерусалимом, который нисходит с неба»; в этом контексте иерусалимский храм Соломона понимается лишь как рукотворное святилище, устроенное «по образу истинного» небесного, пребывающего в горнем Иерусалиме (Гал. 4, 26; Евр. 9, 24; 12, 22), есть лишь иконичный образ Царства Небесного. Так, храм есть образ небесного Первообраза, иконичный образ бинарной модели мира, где алтарь — это небо (мир невидимый, Царство Небесное), а наос — земля (мир видимый); храм — это икона Богочеловека Христа, алтарь тогда — иконичный символ Его Божественного естества, а остальная часть — Его человеческой природы; храм — это иконичный образ человека, и тогда алтарь в нем — душа, а остальная часть — тело; и, наконец, храм — это образ видимого мира, и тогда в этом храме-иконе «алтарь есть образ неба; храм же — Божественный символ земли» (см.: *Дмитревский И.* Историческое, догматическое и таинственное изъяснение Божественной Литургии. М., 1993. С. 383–384; *Максим Исповедник.* Творения. М., 1993. Т. 1. С. 160).

Религиозно-философская и семиотическая система Православия указывает также и на трехчастную модель храма — алтарь, наос и притвор, нартекс, — что в свою очередь задает иную модель духовно-иконичной интерпретации, в которой устанавливаются соответствия: «I) трехчастному делению всего сущего (область бытия Триединого Бога, Царство Небесное, земная область бытия); 2) Божественной природе Христа Спасителя (алтарь) и Его человеческой природе, как состоящей из души и тела (средняя часть храма и притвор); 3) человеческой природе в более полном ее понимании, как состоящей из духа, души и тела; 4) трехчинному делению ангельской иерархии; 5) трехстепенному составу земной Церкви Христовой; 6) трехстепенному духовному состоянию верующих людей: началу духовной жизни во Христе, шествию по пути спасения в земной жизни и пребыванию в Царстве Небесном в состоянии совершенной чистоты и обоженности» (Настольная книга священнослужителя. М., 1983. Т. 4. С. 25).

Святоотеческое истолкование приводит, например, иеромонах Арсений (Суханов) в своем «Проскинитарии» (*Патриарх Никон*. Труды. С. 627): «Нецыи же сице глаголют ему имя: яко бысть некто царь Салим и созда град; по совершении же града того, созда в нем церковь, еллинским языком зовется Иеро, еже есть святилище, или священие; и тое церковное имя Иеро совокуплено с царским именем Салим, и нарече имя граду тому Иерусалим, еже есть священный мир. Блаженный бо Ириней Лугдунский во еже на ереси пятым словом утверждая, яко в три чины и уставы спасаемые разделяются. Бысть же разделения сего пребывания: иже во сто плод принесших, иже в 60, иже в 30. От них же бо овии на небеса вознесении будут [образ Крестного м-ря. — *В.Ш.*], овии же в раи поживут [«на небеси — рай, на земли — Валдай» — образ Иверского м-ря. — *В.Ш.*], овии же во святой град Иерусалим вселятся [образ Воскресенского м-ря. — *В.Ш.*]. Сего ради и рече Господь: "в дому Отца Моего обители многи суть", вся бо обители Божия, иже всем по подобию жилище подаст, просвещая и славля вечно, по реченному от Исаии: "и будет тебе Господь свет вечен, и Богу слава твоя". Сию же благую и вожделенную землю, от нея же первый человек бысть, и пророцы вси и апостоли возрастоша, и та самая, яже всех небесных и земных тварей превысшая Богородица прозябе, и всяческим Господа и Владыку роди и мирскому спасению бысть Ходатайца, и святую убо гору Сионскую, и священную митрополию Царя Великаго и Бога Спаса нашего Иерусалим языцы наследствуют». В связи с этим толкованием, возникает вопрос о возможной интерпретации образов трех по чину устроенных Патриархом Никоном монастырей — Крестном, Богородичном и Воскресенском, как путях горнего восхождения — ходатайством, сораспятием и милостивым прощением-изведением сообразно принесению «в 100, иже в 60, иже в 30 плод».

У того, кто однажды посетил Святую Палестину, храм Гроба Господня, возникает так называемый Иерусалимский синдром — человек всегда хотел бы вернуться в эти места. Так же и здесь: побывав однажды в монастыре Нового Иерусалима, неизъяснимо прикипаешь душой к этому месту и всегда стремишься вернуться сюда. Оказываясь в этой пространственной, архитектурно-ландшафтной иконе, в непонятно-чувствосмятенном, невыразимо-покойном ощущении попечения благодати Божией, когда нет слов, а есть только ликование души, не замечаешь людей, которые находятся рядом — здесь ты наедине с Творцом и Богом. Это изумительное место — о нем много не скажешь; это необходимо видеть, чувствовать, переживать. И только сердечное переживание дает ощущение этой правды, этого торжества Горнего мира.

К примеру, ангельский чин человеку видеть невозможно, но в Новом Иерусалиме мы уже сейчас научаемся тому, что в жизни горней мы будем находиться среди Сил Небесных и будем их зреть; мы уже сейчас наблюдаем их в этом месте — в монастыре много иконописных, керамических и лепных изображений ангелов.

Над местом обретения Креста Господня, как и в Иерусалиме, — церковь свв. равноапостольных Константина и Елены. Когда устраивался этот храм, на месте, где в Иерусалиме Царицей Еленой был обретен Крест Христов, здесь забил источник — его воды всегда освящали в Богоявление Господне, а затем во весь год набирали для требных нужд (ныне этот колодец расчищен).

Когда идешь по обводному рву вокруг земляной церкви свв. Константина и Елены, возникает ощущение улочек старого Иерусалима, а глядя из рва на громадину собора — не отделаться от впечатления о плывущем в небе, нисходящем с неба с обилием куполов и башен града, сияющего своим изразцовым разноцветием.

Постепенно, словно по ступеням восходишь горе на плоские кровли — гульбища Воскресенского собора, являющие собой трехступенчатую лествицу[5], и застываешь от зрения величия бытия Божия мира.

Так, вырастающий из недр земли храм свв. Константина и Елены остается в плоскости земли чуть возвышающейся крышей-гульбищем, образующей первую ступень лествицы, от которой движение

[5] Отчетливо выраженную идею лествицы, соединяющей дольнее и горнее и возводящую от дольнего горй имеют также и другие два Никонова строения монастыря: устроение Иверского монастыря было связано с явлением одного, а затем и еще четырех огненных столпов (см.: *Патриарх Никон*. Слово благополезное о создании монастыря Пресвятыя Богородицы

уступами, апсидами, затейливым разнообразием убранства, кровлями и куполами восходит к срединной, обозревающей монастырский двор в его повседневности, ступени — крестово-купольной части и затем — третья, совершенно оторванная и максимально возвышенная над землей-миром, ступень — опоясывающее устремленную ввысь ротонду гульбище, с высоты которого уже зрится за горизонт пространство мира дольнего в восхищенном душевно-духовном переживании, навеваемом созерцанием миров и звуками богослужения, доносящихся изнутри собора через множество слуховых окон, а также сиянием переливающихся полихромных изразцов с выступающими из них ангельскими ликами, сходяще-восходящих по граням шатра, увенчанного фактурным куполом. Образ Небесного Иерусалима здесь отчетливо реалистичен: *«И пришел ко мне один из семи Ангелов... И вознес меня в духе на великую и высокую гору, и показал мне великий город, святый Иерусалим, который нисходил с неба от Бога. Он имеет славу Божию; светило его подобно драгоценнейшему камню, как бы камню яспису кристалловидному. Он имеет большую и высокую стену,.. Стена его построена из ясписа, а город был чистое золото... Основания стены города украшены всякими драгоценными камнями...»* (Откр. 21, 9–19).

Лествично-градообразный облик храма Воскресения не случаен, он соответствует представлению о граде — Иерусалиме Новом и восхождении к нему[6], т.е. главенствующей идее Нового Завета — апокалипсисе — воскресении, спасении и вечном пребывании с Творцом[7]. Это впечатление органически усиливается монастырской стеной с башнями и другими строениями обители. Значимые элементы храмового комплекса — ротонда, крестово-купольная часть, земляная церковь — каждые со своей совершенно самостоятельной функцией воспринимаются образом Пресвятой Троицы; множество священных предметов, мест, многоступенчатая колокольня, изрезанная проемами крепостная стена, обилие приделов, ниш, колонн и других объектов собора, сложно и причудливо дробящих пространство, создают впечатление, соответствующее представлениям о множестве зданий в раю — «в доме Отца Моего обителей много» (Ин. 14, 2). Впечатление это складывалось и при визуальном восприятии, и при обходе всех помещений (с выходом на кровли-гульбища собора), но более всего от художественного убранства, богатства диковинных полихромных изразцов и лепнины. По всему собору около значимых мест на белокаменных плитах — надписи, являющиеся неотъемлемым атрибутом любой иконы, священного предмета, но здесь, кроме того, выполняющие функции путеводителя.

Используя архитектурные возможности собора, в системе и системой иконостасов как нигде более в мире наиболее последовательно утверждается идея прообраза и пророчества Ветхого Завета по отношению к исполнению их в Новом Завете и свидетельству об их исполнении: праотцы прообразуют события Нового Завета, пророки пророчествуют о них, апостолы и праздники свидетельствуют исполнение; система же настенных росписей крестово-купольной части строго следует тексту Скрижали в форме изразцовой надписи по периметру собора — «*Сказание о церковных таинствах, яко храм или церковь мир есть, сие святое место, Божие селение и соборный дом молитвы, собрание людское. Святилище же тайны, то есть олтарь в*

Иверския... // *Патриарх Никон.* Труды. С. 82–83); Крест-мощевик в Крестном Кий-островском монастыре так же есть лествичный столпообраз, суть которого подчеркивается текстами в левом и правом картуше иконы «Поклонение Кресту»: «Крест хранитель всея вселенныя: Крест красота Церкви: Крест царем держава: Крест во бране победа: Крест верных утверждение: Крест ангелом слава: Крест христианом упование: Крест заблудшим наставник: Крест труждающимся тишина: Крест недужным врач: Крест мертвым воскресение: Крест бесом язва» и «Да радуется тварь и играет: днесь бо облиста Крест в концех с небеси земная просвещая и крестовокупленная показа разлученна: днесь ликуют с лики ангельскими человеки, ибо бранящее средоградие Крестом разорено, во едино вся яве совокупи: Темже предсияя паче солнца всю тварь благодатию уясняет и спасает верно Того чтущия».

[6] Библейские книги городу усваивают качества избранности, святости, именуют градом Божиим (3Цар. 11, 13), прообразом горнего, Небесного града (Откр. 21, 2), к которому тяготеет история человечества, направляемая Церковью. Бог в Свой удел избрал город, который стал земным символом Царства Небесного, в котором построен Храм Соломона (3Цар. 8, 48; 14, 21; 2Пар. 12, 13) и называется Иерусалимом — градом Господа сил, градом Божиим, градом Господним, градом Всевышнего, градом Бога живого, градом Святым (Пс. 47, 2, 9; 86, 3; 100, 8; Тов. 13, 9; Ис. 52, 1; 3Езд. 10, 54). Но апостол Павел указывает, что верные в вещественно-земном мире не имеют постоянного града и ищут града будущего (Евр. 13, 14).

[7] Суть апокалипсиса нового Иерусалима, т.е. ортодокс-славянской картины мира и Патриарха Никона, заключается — связывается не с антихристом, не с ужасами разорения вещественного мира и Страшного суда, как это происходит в иудейском, католическом, протестантском и старообрядческом представлениях, а со Христом и Любовью, которой, по словам Святейшего Никона, «начало, бытие и конец Христово пришествие» (*Патриарх Никон.* Труды. С. 118).

нем же служба совершается. Трапеза же есть Иерусалим, в нем же Господь воцарися, и седе, яко на престоле, и заклан бысть нас ради. Предложение же Вифлеем есть, в нем же родися Господь. Просфора же три имать знамения. По первому убо разуму назнаменует Овча, еже нас ради на заколение приходящее, по иному же разуму наше приведение, по другому же умышлению соборному Пречистую являет Богородицу, из Нея же Агнец Божий родися. Проскомидия ж два купно праздника знаменует: рождение и заколение вкупе, сотворяемо иже начало и конец таинства изъявляет. С ними же копие, и губа и трость спасенныя страсти образы; звездица есть звезда возвестившая волхвом великий свет; покрывала таже суть, яко на Младенцы пелены и яко добродетели образование; теплота ж теплоты Духа Святаго нашествие; святаго же хлеба воздвижение, еже на небеса вознесение. Паки же и предложение во отвращение, рекше в Вифлееме устроение, якоже да отонуду начнет в нем же родися, сосвященнодействовати святая таинства. Антиминси же и потире и дискоси ж сосуди честнии, с ними же жертвенное совершается. Обаче итти опасному видению Промысла и Божественное наслаждение, торжество достойных назнаменует», — и раскрывает-объясняет символику частей храма и таинства Божественной Трапезы — Литургии (Евхаристии); в ротонде и в шатровом небе над Гробом художественные полотна создали библейскую симфонию, раскрывающую идею прообразовательности, пророчеств о Христе-Спасителе, Его страданиях, смерти и победе над смертью Воскресением и восхождением к Богу Отцу и наглядными средствами раскрывают содержание керамической надписи, сделанной Патриархом Никоном по окружности ротонды: «*Отдадим Образу пообразное, познаим наше достоинство, почтим начало образное, познаим тайны силу и за кого Христос умре. Будем яко Христос, зане же и Христос яко и мы; будем бози Его ради, зане и Он нас ради человек бысть; якоже изволи приять горшее, да даст лучшее; обнища, да и мы Онаго нищетою обогатимся рабий зрак прият, да мы свободу восприимем; сниде, да мы возвысимся; искусися, да победим; безчествовася, да ны прославит; умре, да ны привлечет к Себе, низу лежащих в греховнем падении. Днесь спасение миру, елико же видим и елико невидим; Христос из мертвых, совостаньте, Христос в Себе, восприходите, Христос из гроба, свободитеся из уз греха. Воскресе Христос, и падоша демони. Воскресе Христос, и радуются Ангели. Воскресе Христос, и жизнь жительствует. Воскресе Христос, и мертвы ни един во гробе. Христос восста от мертвых, начаток умершим бысть. Да днесь из мертвых воскресе и мене, победника, возноватворит духом и в нова облечет человека, да даст новому зданию, иже по Бозе раждаемым здателя благ и учителя, Христу и соумерщвляема усердно и совоскрешаема, Тому слава во веки. Аминь*»; размещенные вокруг Гроба колонны, символизируют предстоящих Богородицу, Иоанна Предтечу и 12 апостолов, а колонны верхних ярусов — 70 малых апостолов; тут же по южной стороне расположенные приделы «12 и 70 апостолов» и «Всех Святых» представляют тех, «*елицы победиша духов злобы поднебесных, о каковых сбылось писание: святые все, победиша царствия, содеяша правду, получиша обетования... и вратами внидут во Град, с ним же сподоби, Боже, и нас, грешных, причастником быти*».

Так, к девятичинному собору святых, изображенных перед алтарем в крестово-купольной части собора, восполняющих некогда порушенную отпадением верховного ангела с ему подчиненными небесную иерархию, присоединяется хор святых апостолов и всех святых, праотцев и пророков, а выше — «ангельское воинство ужасахуся, снисхождение славяще Твое: Воскресе Христос!» — Силы бесплотные трубят в духовные органы на все стороны света с начертаниями на хартиях «где ты, смерти жало? Где ты, аде победа?», демонстрируя единство ветхозаветных и новозаветных святых, славящих «едиными усты» в единой и нераздельной Пресвятой Троице, Которая суть жизнь вечная, Бога со всеми молящимися «о мире всего мира...» в этом храме соборным предстоянием, о чем свидетельствуют надписи в алтаре на арочных столбах, образующих горнее место: «”*Иже херувимы тайно образующе и Животворящей Троице трисвятую песнь припевающе, всякое ныне житейское отложим попечение”, “Вечери Твоя тайныя днесь, Сыне Божий, причастника мя приими”, “Аще не снести плоти Сына Человеческаго, не пиете крове Его, живота не имате в себе”, “Да молчит всякая плоть человека, и да стоит со страхом и трепетом, и ничтоже земное в себе да помышляет”, “Ныне силы небесныя с нами невидимо служат; се бо входит Царь Славы, се Жертва тайная совершенна дориносится; верою и любовию приступим, да причастницы жизни вечныя будем”*».

Обобщая скажем: архитектурно-ландшафтная иеротопия подмосковной Палестины одновременно уподоблена и Граду Небесному, и граду Палестинско-

му — «Радуйся, святый Сионе, Мати церквей, Божие жилище; ты бо приял еси первый оставление грехов Воскресением. Ненавидящии Сиона да будут убо прежде восторжения, яко трава, отсечет бо Христос выя их усечением мук»[8] — и является единственным и неповторимым монументальным иконичным памятником православной цивилизации, который в художественной форме (в камне) выражает всю полноту богословско-философской мысли ортодокс-славянской парадигмы «софийного бытия», а также проявляет не только множество имплицитных вещно-логосных иератических символьных рядов, но представляет реально воплощенный постоянно раскрывающийся символ, который задает пространственно-временной континуум в соответствующих онто-Логосных аксио-гносео-логических категориях и, осуществляясь и осуществляя реальность, обеспечивает единство, неразрывную взаимоответственную связь Творца и сотворенного, сакрального и профанного, бесконечного и конечного, трансцендентного и имманентного, феноменального и ноуменального мира в его диалектическом единстве.

Можно сказать и по-другому: Воскресенский монастырь Нового Иерусалима — образ храма Гроба Господня и Святой Палестины и подобие Града Небесного — заключает-отражает в себе не только множество деифицированных иконичных вещественно-логосных символьных рядов, но представляет реально воплощенные, раскрывающиеся образы, которые задают пространственно-временной континиум в соответствующих онто-гносеологических и аксиологических категориях: *антиномичность* (нераздельность и неслиянность образа [иконы] и Первообраза), *синергийность* (иконотопос являет Первообраз и даже равен ему по своей насыщенности Божественными энергиями), *символичность* (использование символов фигур иерофании), *соборность* (аккумулирован опыт других топосов с ярко выраженной иконотопикой), *литургийность*, *каноничность* и др. Монументальный образ монастыря выражает не только надмирность христианских идей, но и задаваемую этими идеями-логосами довлеющую дольнему миру монументальность и всеобщность, поскольку они свидетельствуют о земной жизни воплотившегося (детерминированного) Логоса (Слова) и призваны не только своей метафизической мощью, но и реальностью воздействовать на созерцающих величие божественных Тайн с целью преображения и освящения всей полноты жизни для прославления Творца.

Патриарх Никон создавал не что иное, как икону земного, палестинского Иерусалима и Иерусалима Нового, небесного, потому она достаточно символична, как любая икона. И целостный комплекс святых мест, и монастырский «святой град», и собор Воскресения Христова не являются буквально копией исторической Святой Земли, Иерусалима, храма Гроба Господня. Монастырь Нового Иерусалима берет от своего исторического прототипа лишь немногие, но самые важные черты и детали, добавляет и такое, чего нет в земной реальности этого прототипа. Иными словами, монастырь Нового Иерусалима символически восстанавливает в образе земной Палестины тот образ Царства Небесного, который в ней запечатлен. Палестинский прототип «обетованной земли» использован здесь лишь постольку, поскольку в нем находит свое земное преломление (отображение) обетованная новая земля Небесного Царства. Монастырь Нового Иерусалима Патриарха Никона стал тем сосредоточием культурных тенденций, которые предопределили специфику и характер Нового времени в истории культуры России.

Обратим здесь внимание и на несколько особенных моментов.

Первое. В историографии встречаются различные именования Воскресенского монастыря. Правильное же именование — Святого Живоносного Воскресения Христова монастырь Нового Иерусалима, — т.е. монастырь кого/чего? — Нового Иерусалима — образа Града Небесного.

Второе. Патриарх Никон не устроил этот как и иные монастыри своего строения в Москве, потому что всякий монастырь — это образ именно Града Небесного, а в городской среде он невольно был бы включен в иную, неаутентичную ему среду и

[8] Надпись на каменной таблице в проеме Красных и Судных врат Воскресенского собора монастыря. Впоследствии текст был заменен — в нем ставился акцент на современные социально-политические условия и миссионерско-паломнические задачи: «Всякая душа благочестивая, желающая пречудный храм Воскресения Христова, еже во Иерусалиме, видети, и тамо в нем сущим Святым местам с верою поклонитися, но ради разстояния дальняго онаго дойти не могущая, созерцай семо вшедши и разумей внутрь заключеных вещей душеполезную тайну, яже Спаситель твой тамо между неверными, зде же среди благочестиваго христианства в воспоминание тебе спасителных Страстей, смерти и тридневнаго Воскресения, в храме сем ново-Иерусалимском представляет».

систему взаимосвязей — среду антропогенную, которая далека от естественно-природной среды. Но вместе с тем всякий монастырь есть образ для града мирского, для всех жителей государства — к нему, его Образу стремятся, в него приходят для покаяния, поскольку он «есть свет миру».

Страстная седмица и Пасха в монастыре

Вспоминаются Пасхальные богослужения в первые годы по возобновлении монастыря. Холодно, людей достаточно много и в то же время немного. Мы выходим Крестным ходом; огибая посолонь храм, подходим к вратам, уже пропели возгласы Пасхальной заутрени, а все еще видно, как люди живым потоком идут с горящими свечами в этом Крестном ходе. Особенностью Пасхального богослужения в Новом Иерусалиме было и чтение священниками Евангелия на разных языках не в алтаре, а посреди храма — во все концы Вселенной.

Чин богослужения проходит, как в Храме Гроба Господня. Плащаница износится с Голгофы от креста, где был распят Христос: плащаница переносится под пение дивного канона на камень помазания. Как и в древнем Иерусалиме, она усыпается лепестками роз; остаются открытыми только лик Спасителя и Его прободенные длани рук. В чине погребения плащаницу крестным ходом переносят с камня помазания в Гроб Господень, который запечатывается. С Великой субботы на Воскресенье все поклонники исходят крестным ходом из храма в сретенье Христу под пение и колокольный звон и войдя в храм вновь обретают двери Гроба распахнутыми — Христос воскрес!

Двигаясь малым крестным ходом внутри Воскресенского собора, до выхода в монастырский двор, идем вдоль всех Страстных приделов в заалтарном обходе ко Гробу, вспоминая и путь жен-мироносиц...

Как ни в каком другом храме, в этом соборе есть возможность реально переживать Евангельские события.

* * *

Мы возвращались из монастыря Нового Иерусалима на электричке в Москву. Образ Русской Палестины переполнял душу, обращая взор к палестинскому Храму, местам земной жизни Стасителя и возводил дух горй, к Граду Новому — Небесному.

Это место, которому без всяких сомнений нужно посвящать жизнь и самого себя, — убежденно говорил В. Шмидт мне и самому себе тоже. — Каждый открывает его по-своему. Всякий раз, когда я вхожу в Новый Иерусалим, он для меня новый и в то же время старым, и дольний — и Горний, который мы будем наследовать. Это та точка, в которой начинается жизнь и в которой она заканчивается, равно как заканчивается и начинается: это — образ Воскресения, и вряд ли еще что-то — нет, наверное ничего. Невероятная красота, восторг этого мира сконцентрированы именно в этой точке, в этом храме, в этом празднике Воскресения Христова. Можно сочинять прекрасные стихи, а можно просто здесь быть — и больше ничего в этой жизни не надо. Здесь можно только прославлять и восхвалять Святейшего Патриарха Никона за то, что каждому из нас дано через этот построенный им монастырь оказаться причастными Небесному Иерусалиму зримо здесь, в нашем земном странствовании. Думаю, что ни в одной другой культуре это явление не могло возникнуть и быть повторенным. Это движение народного духа, творческий полет славящей Бога души, сконцентрированные в художественном образе система и богословия и миропредставления. Когда начинаешь задумываться над системой росписи в соборе, системой иконостасов, понимаешь, что здесь весь мир — здесь начало и здесь конец, как и Сам Христос — А и Ω бытия, ведь недаром же и Святейший Патриарх Никон любил повторять, что «любви начало, бытие и конец Христово пришествие», ну а мы, если будет позволено, перефразируем: образ Христова Воскресения — свершение мира дольнего и начало бытия в горнем.

(Белкина Л., паломническое собеседование[9]. Новый Иерусалим — Москва, 2004)

© Шмидт В.В., 2009

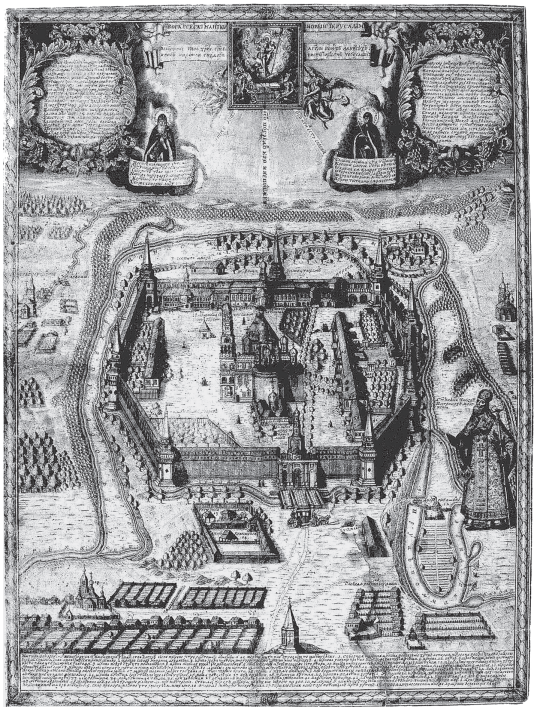
[9] См. интернет-публикацию: http://www.cofe.ru/blagovest/article.asp? heading=36&article=6769

Проблемы и нужды реставрации монастыря Нового Иерусалима: Аще не Господь созиждет дом, всуе трудишася зиждущии

«Надобно когда-нибудь напомнить то, что очень понятно, но чего не хотят приметить, — что люди светские, работая в церкви, по светским идеям не зная дел церковных, и не удостоивая принять совет от людей церковных, могут впадать в погрешности и причинять соблазн».

«Если мысли и слова мои покажутся вам суровы: то вспомните слова Соломона: достовернее суть язвы друга, нежели вольная лобзания врага».

Из писем *митр. Филарета* (*Дроздова*)

Святого Живоносного Христова Воскресения монастырь Нового Иерусалима
Гравюра. Середина XIX в. Русский музей

Значительными и важнейшими для жизни Церкви и всего общества являются «лучи Града Божия на земле, свет миру — монастыри» с утвержденным в них образом подвижнической жизни — довлеющими миру духовными законоопределениями, с их вожделенной человеками небесной лучезарностью. И лучезарность эта неизбывна, в каком бы состоянии не пребывали святые обители — образы Града Небесного — будь-то в благолепно-торжественном, будь-то в руинах; они есть образ, к устроению которого в жизни дольней искони устремлен дух человека и душа общества. Их состояние — зеркало душ и телес человеческих; человеческое попечение о них — попечение, прежде всего, о себе. Каковы они — таков человек, каковы они — таково и общество, таково и государство, ибо земная плоть монастыря — метафизический образ человека, общества и государства. Так что и неведомо, что для жизнеутверждения и созидания мира лучше — поверженная в руины обитель в разоренно-униженном, безсильном государстве, или сияющая благолепием в утвержденном в мощи государстве, которому при этом все же никогда не быть по сути ни Эдемом, ни Церковью. Очевидно одно: руины понуждают к покаянному созиданию цветущего града-рая, а торжествующее благолепие возводит душу к славословно-созерцательному ликовстоянию.

2009 год был для народа с его государством и Церковью непростым. Об этом говорили и Президент Российской Федерации Д.А. Медведев в своем новогоднем обращении к народу и Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл в своей Рождественской проповеди по чтении Евангелия:

«Наша страна вместе со многими другими странами в преддверии прошлого года осознала, что стоит лицом к лицу с надвигавшимся тогда экономическим кризисом. Было много страхов — и совсем не беспричинных, было множество опасений, была некая затаенная боль у многих людей. Ведь ранее страна наша прошла через тяжкие испытания 90-х годов, погрузившись как бы на дно того кризиса, который имел причиной происходившее в нашей стране. Постепенно, напрягая силы, народ наш стал выходить из того кризиса, обретать некую уверенность, перспективу развития. И вдруг снова, уже не по нашей вине, сложилась опасная для жизни и бытия нашего Отечества труднейшая экономическая ситуация. Прошел год, и мы можем сказать, что самого страшного не произошло. Да, многим из нас было нелегко в этот минувший год: кто-то потерял работу, у кого-то сократилась

зарплата, кто-то значительно понизил уровень своего потребления; но не произошло самого страшного — наша страна не ввергласъ в тот самый кризис 90-х, из которого с таким большим трудом вышла. Мы не откатились назад — лишь замедлилось наше движение вперед...

Мы должны поблагодарить и тружеников — неизвестных, простых, которые в условиях ослабления экономической мощи страны не теряли надежды и работали. Наверно, нам еще многое предстоит сделать и рано подводить итоги, но этот год был очень важным, в том числе и для нашего национального самосознания. Он показал, что народ наш и власть наша совместно могут проходить через трудные испытания, преодолевая те беды, которые обрушиваются на нашу жизнь».

В Рождественском же послании Святейшего Кирилла сказано: «Минувший год в жизни Церкви нашей был отмечен многими важными событиями... Укрепляемый молитвой и поддержкой епископата, клира и многочисленной паствы, с упованием на волю Божию принял я выпавший мне жребий патриаршего служения. Совершая богослужения в Москве, в ряде российских епархий, а также на Украине, в Белоруссии и Азербайджане, я имел радость молитвенного общения с нашим благочестивым православным народом, с молодыми и пожилыми, с людьми среднего возраста и с детьми. Везде я мог видеть светлые лица людей, искреннее выражение глубокой веры. Это стало для меня сильнейшим духовным переживанием и зримым свидетельством единства Святой Руси, которая силой веры своего многонационального народа преодолевает социальные, имущественные, возрастные, этнические и прочие границы, сохраняя в условиях современных политических реалий свое духовное единство.

Это единство скрепляется единой Церковью, в которой Божественной благодатью преодолевается все временное и преходящее. Здесь перед человеческим взором предстает подлинное величие непреходящих ценностей. Именно поэтому Божественная истина должна служить главным ориентиром для всякой человеческой деятельности, для развития и движения вперед».

На фоне множества событий гражданской и церковной истории 2009 г. был отмечен своего рода лествичным «шествием по истории» строительства Церкви — духовного стяжания Святой Руси, которое свершил Святейший Патриарх Кирилл. Посещение в ряду иных Троице-Сергиевой лавры и Валаама, Киевских пещер и Почаева, молитвенно-поклонническое почтение в сонме святых преподобных Феодосия и Антония Печерских, Сергия Радонежского, Ефросинии Полоцкой, Кирилла Белозерского, Иосифа Волоцкого стало знаковым для народа и государства, поскольку в памяти оживлялись не только образы особо значимых духовных подвигов прославленных стяжателей Града Небесного и достойных созидателей мира земного — Святой Руси, но взаимоответственного, уважительного соработничества делателей небесного и земного. В самом же этом боговдохновенном шествии новоизбранного Предстоятеля Церкви формировался образ будущего — от программных заявлений к практической реализации труждающимися на церковной ниве, — образ активной и актуальной, ответственной за жизнь мира Церкви на ее новом этапе развития. Завершение этого шествия полагалось в Воскресенском монастыре Нового Иерусалима и в логике лествичного делания должно было свершиться поминанием фундатора места сего — Патриарха Никона — великого собрата и предшественника нынешнего Предстоятеля, но *не состоялось*.

Сейчас незачем домысливать, какие слова мог бы произнести Предстоятель Церкви, обращаясь к своей пастве и насельникам святой обители, окажись он там и соверши Божественную литургию, отслужи панихиду по своему почившему собрату. Сейчас мы лишь процитируем сказанное Патриархом Кириллом в назначенный день 17 ноября 2009 г. на заседании Попечительского совета «Благотворительный фонд по восстановлению Воскресенского Ново-Иерусалимского ставропигиального мужского монастыря Русской Православной Церкви», который был учрежден осенью 2008 г. в рамках президентского решения о восстановлении монастыря Нового Иерусалима.

Его Святейшество повторил высказывание историка Никодима Кондакова, которое привел на предшествовавшем заседании Патриарх Алексий: «...константинопольская София для Византийской империи сделала во много раз больше, чем многие-многие сражения, в которых участвовала Византия. Это действительно так. До сих пор — нет Византийской империи, но стоит в Стамбуле византийская София, и люди узнают о величии империи, а значит, и о многом том, что было сделано нашими благочестивыми предками на берегах Босфора — именно потому, что стоит этот величественный монумент» и добавил: «В каком-то смысле слова, это [монастырь Нового Иерусалима. — *В.Ш.*] тоже наша "российская София" со своей историей, со своим значением, в том числе и для церковно-государственных отношений ... в каком-то смысле именно этот монастырь являлся образом, символом соработничества, синергии церковного и государственного начала. Он был заложен и строился и

Патриархом Никоном и царем Алексеем Михайловичем. Этот монастырь и создавался как некий образ гармонических отношений Церкви и государства. Он всегда подчинялся либо прямо Патриарху, либо, когда патриаршество было ликвидировано, Священному Синоду и имел особый статус»[10].

Так *что́* не состоялось, *почему* и *зачем не состоялось*?

На 17 ноября 2009 г. под председательством Президента России Д.А. Медведева и Святейшего Патриарха Кирилла было запланировано выездное (в монастыре Нового Иерусалима) заседание попечительского совета Фонда по восстановлению Ново-Иерусалимского монастыря, на котором по итогам года — первого из отведенных на беспрецедентную реставрацию сперва скромных четырех-пяти и расширенных до семи-восьми лет, — должны были оценить проделанную и обсудить предстоящую работу, расставив точки над «i» в деле «спасения» шедевра не только национальной, но и мировой культуры, каким является этот уникальный монастырский архитектурно-ландшафтный комплекс.

Можно по-разному, в зависимости от заинтересованности, объяснить, почему это заседание прошло не в стенах реставрируемой обители, а в резиденции главы государства, на котором не двусмысленно было замечено: «Ваше Святейшество, я думаю, что мы с Вами находимся в правильном месте для того, чтобы говорить о восстановлении Ново-Иерусалимского монастыря. Я хотел бы обратить внимание, что вот эта картина — это как раз Ново-Иерусалимский монастырь. И в этом тоже есть определенный символ»[11]. Не комментируя многозначность мысли Президента, заметим: факт остается фактом — заседание прошло не в стенах Нового Иерусалима — пути Господни неисповедимы.

Путь каждого человека по ступеням восхождения непрост, тем более взявшего на себя бремя ответственного делания. Евангелист предостерегает: блюдитеся, яко опасно ходите, — напоминают евангельские строки, а церковно-историческое предание повествует о Марии Египетской, которая в начале своего духовного становления не была допущена выше шестой ступени, ведущей на Голгофу храма Гроба Господня, — с нее-то, с этой ступени

и началось великое Мариино делание — восхождение в Горняя....

Прошел год столь шумно объявленной президентской инициативы — год, все-таки не принесший сколько-нибудь удовлетворительных результатов: как ни старались стороны-участники «спасительных» работ развернуть и обеспечить хотя бы какую-то действительно нужную и полезную для монастыря-памятника деятельность, она тут же приобретала черты нелепо-неразумной и бессмысленной, небезосновательно настораживающей и угрожающей памятнику своими последствиями. И, надо полагать, в этой ситуации многие из номенклатурных инициаторов и исполнителей смутились, что даже позабыли о 15-летии со дня возобновления монастыря [событие было ознаменовано лишь изданием в РАГС к № 2 журнала «Государство, религия, Церковь...» спецвыпуска «Поруганно-порушенная и восстанавливаемая святыня: Святого Живоносного Воскресения Христова монастырь Нового Иерусалима (наследие Патриарха Никона)», да скромным приемом в монастыре по случаю памятной даты с раздачей всем и вся от имени наместника — игумена Феофилакта (Безукладникова) — грамот за понесенные труды в деле жизни обители. Почему Фонд, амбициозно взявший на себя ответственность по организации и проведению, в том числе и подобных мероприятий (Устав Фонда — п. 2.2.5; Благотворительная программа — п. 3.5), самоустранился — Бог весть.].

Обратим внимание лишь на некоторые детали, исполняя сказанное: *лучше обличения откровенна*

[10] См. сайт Президента Российской Федерации: http://www.kremlin.ru/transcripts/6022

[11] Там же.

тайныя любве[12], в надежде, что это поможет прояснить происходящее и предотвратить худшее.

Формальным поводом к началу этого грандиозного реставрационно-восстановительного проекта стало обращение в адрес Президента Российской Федерации Д.А. Медведева группы ответственных работников культуры[13], среди которых, пожалуй, лишь один, к сожалению, ныне почивший, В.Н. Выборный, досконально и четко представлял суть проблемы и состояние объекта[14]. Не менее формальным, но административно значимым стало формирование Попечительского совета Фонда. Персональный состав и безупречная с формально-логической точки зрения структура Фонда, надо полагать, были призваны обеспечить работу, которая бы не замедлила себя ждать, как и результаты (их формат оказался вполне прогнозируем и соотносим с принципами, положенными в основу уставных документов — закрытой корпоративностью; анализ см. ниже)[15]: были назначены руководители-администраторы, были привлечены эксперты-исполнители[16]. Исходя из состава привлеченных лиц, некоторые из них весьма ангажированы (кем и как они были «избраны» — остается лишь гадать), и на этом этапе лишь отдельные лица, насколько нам известно, четко представляли суть проблемы и состояние объекта, к рассуждению о котором они привлекались.

Так была сформирована «команда», в которой и инициаторы, и организаторы, и эксперты, а теперь уже и исполнители по большей части лишь понаслышке знали объект реставрации, а посему комплекс связанных с монастырем проблем так и остался для них *terra incognita*, углубление в которую кроме страхов и опасений у здравомыслящих не может не вызывать. В итоге ко всему комплексу монастырских проблем добавилась, обрушилась, как снег на голову, стихия некомпетентности новоявленных делателей, оправдывающих себя прожектерством и бурной инициативой во всём и вся: вокруг монастыря вдруг, откуда не возьмись, как в сказке, появилось множество маститых и не очень специалистов самых разных направлений, об увлечении которых никоново-новоиерусалимской проблематикой никто ранее и не ведал, но теперь они в одночасье стали «ведами» проблемы, раздавая не только рекомендации, но и активно их исполняя. Как не вспомнить сказанные еще 150 лет назад слова мудрого святителя Филарета (Дроздова): «**Нередкая в наше время черта, что люди мнят знать дело, ревновать о пользе, службу приносити Богу, а в самом деле угадывают (и то не всегда удачно) мысль, которая теперь в моде, и покровительствуется сильными, и служат ей, в надежде, что и она им послужит. Не так созидается истинное благо Святыя Церкви**»[17].

---

[12] Сборник мыслей и изречений Святителя Филарета Московского, извлеченных из переписки его с разными лицами. М., 1999. (репринт с изд. 1897 г.) С. 88.

[13] *Шмидт В.В.* Предисловие: Новый Иерусалим как проблема гражданского попечения // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2009. № 2 спецвыпуск: Поруганно-порушенная и восстанавливаемая святыня: Святого Живоносного Воскресения Христова монастырь Нового Иерусалима (наследие Патриарха Никона). С. 19.

[14] В 1996 г. им был выполнен проект по сохранению и благоустройству Воскресенского монастыря Нового Иерусалима, в котором на инициативной основе впервые был разработан «Историко-археологический, архитектурно-ландшафтный опорный план» на весь монастырский комплекс, включая прилегающие территории (авторы: архитекторы Алимова Г.С., Верховская М.А., Выборный В.Н., архив — Зубарев В.В. «Экоград-Наследие», ФГПУ «Гипрогор», 1995–1998, 2004 гг.). Проектом предполагалось выделение комплекса «Русская Палестина» в качестве памятника истории и культуры со статусом «историко-ландшафтного и архитектурного территориального комплекса». Основные положения этого проекта были согласованы Ново-Иерусалимским монастырем, историко-архитектурным и художественным музеем «Новый Иерусалим», администрацией г. Истры, Министерствами культуры Московской области и Российской Федерации. В 1996–2003 гг. проект неоднократно представлялся на научных конференциях, симпозиумах, в апреле 2004 г. — на ежегодной сессии РААСН, повсеместно получая исключительно одобрительные отзывы. Предложения по восстановлению «Русской Палестины» вошли в Генеральный план г. Истры 2000 г., как одно из основоположений развития города.

[15] См. сайт Фонда: http://www.ierusalimfond. ru/pages/main/1158/index.shtml — Устав Фонда: п. 4.4, 4.10; Положение об экспертном совете Фонда: 3.1, 4.4, 4.5, 2.2.6 (2 абз.), 1.6 (2 абз.).

[16] См. сайт Фонда: Правление — http://www.ierusalimfond.ru/pages/main/768/1461/index.shtml; Экспертный совет — http://www.ierusalimfond. ru/pages/main/768/1462/index.shtml

[17] Сборник мыслей и изречений Святителя Филарета Московского, извлеченных из переписки его с разными лицами. С. 96—97.

Следствием этого безудержного безмыслия, стремящегося лишь к освоению выделенных или прогнозируемых средств, стало полное игнорирование нужд монастыря-памятника и нагнетание психозазадора в части все увеличивающихся объемов по проведению экстренных противоаварийных работ (у непосвященных, как и общественного сознания в целом, в результате этой шумихи начало складываться впечатление, что монастырь если не в руинах, то вот-то исчезнет с лица земли).

Стремясь продемонстрировать результативность и масштабность своего делания, территорию монастыря в буквальном смысле перепахали. Зачем? — Надо полагать ради сенсационного открытия стоянок чуть ли не прародителей рода человеческого, будто об этом никто ранее не знал и в музее не накоплен богатейший материал. На деле же итог — нарытые шурфы ушли в зиму не только не засыпанными, но даже и не прикрытыми. *Но если уж начаты земляные работы, то почему бы не провести комплекс действительно безотлагательных работ по вертикальной планировке*, чтобы в будущем уверенно, без оглядки на поведение почв и грунтовых вод приступить к реставрационным и ремонтно-восстановительным работам по сооружениям монастырского комплекса? Почему не начать эколого-гидрологические работы на прилегающей территории Гефсиманского сада и в подножии холма, которые оказывают существенное влияние на состояние холма — его подвижность. Зачем нужно было в спешном порядке возводить вокруг Скита Патриарха Никона массивный забор, не беспокоясь при этом о «подсыпке» острова и «поднятии» Скита, сооружении дамбы, обеспечивающих их незатопление во время весеннего половодья?

Стены и своды монастырских объектов превращены буквально в решето неоправданным количеством зондажных дыр, частота которых сравнима разве что с практикой вуду; разрыты гробницы; прорабатываются проекты сооружения надкладезных часовен в масштабе чуть ли не римских терм, но при этом историко-культурологических и архивно-изыскательских работ с их квалифицированными выводами, как и анализа богословско-символической системы монастыря все еще нет, если вообще эта работа хоть кем-то из призванных начата.

Можно сколь угодно долго рассуждать о территории вокруг монастыря-памятника и очерчивать площадь виртуальной Русской Палестины, корректируя и перекраивая охранные зоны с учетом несанкционированной деятельности хозяйствующих субъектов или незаконно разрешенной застройки, но почему не перевести земли выделенной зоны в разряд *земель особо охраняемых территорий и объектов — не создать комплексный* (*ландшафтный*) *заказник*, т.е. территорию с особым режимом правового регулирования и охраны. Ведь это так просто! тем более, что всего на одно решением завязан весь комплекс «трепетных» проблем.

И уж совсем нелепо выглядят предложения:

1) по «бетонированию» — бетонной стяжке Сионского холма (подобный опыт в конце 90-х гг. XX в. на северном склоне холма не принес никакого результата, если не усугубил его ползущее состояние) вместо того, чтобы всего-навсего отвести транспортные ветки и развязки от монастырского холма, как это некогда предлагалось в проекте В.Н. Выборного;

2) по демонтажу и перекладке стен Воскресенского собора, поскольку они сильно пострадали от подрыва во время Второй мировой войны и могут когда-либо обрушиться.

Как мало нужно для всей этой нелепости — пусть лишь замерцает в воображении ревнителей не по Боже безмерная мамона...

> В данном контексте нельзя не вспомнить слов Святейшего о «...принципах научной реставрации, которая бы сочетала чисто научный, культурный и богословский факторы, с тем чтобы мы получили не блестящий новодел, который будет восприниматься многими как некий кич. Так часто бывает, когда реставрация губит памятник на корню, а в нашем народном сознании есть такой подход: чем больше золота — тем лучше. Этим золотом мы часто ужасно губим памятники. Поэтому важно создать не подмосковный кич, куда бы люди приезжали удивляться обилию золота на куполах, а реально восстановить памятник, который бы был действительно ярким выражением нашей национальной культуры и духовности»[18].

Не меньшие нелепости порождаются и горделивой духовной дерзостью в отсутствии духовного трезвения.

О стремлении отождествить, соединить, скрестить, наконец, религиозное — идею Нового Израиля и Нового Иерусалима и политическое — идею Третьего Рима, приписав их единство наследию Святейшего Никона, которых последний сторо-

[18] См. сайт Президента Российской Федерации: http://www.kremlin.ru/transcripts/6022

нился и всячески бегал, мы уже писали[19]. О подобном — стремлении приписать Патриарху мысли, которых тот не высказывал и которых не найти в его трудах, проинтерпретировать не только то, что он созидал, но и то, что мог бы создать, будь жив до ныне, — не раз отмечалось в историографии[20].

Настоятельно и образно о недопустимости своевольной интерпретации святоотеческого и церковного наследия, отталкивающих паству от веры и Церкви Христовой, говорил Святейший Патриарх Кирилл в своей Рождественской проповеди. Тем не менее, современными «новоиерусалимскими душепопечителями» в общественное сознание активно внедряется чуждое не только месту сему и идеям его фундатора, но и наследию Святейшего Никона в целом.

Так, авторитетный в некоторых кругах специалист по никоно-новоиерусалимскому наследию зам. директора музея «Новый Иерусалим» Г.М. Зеленская в своей последней книге «Новый Иерусалим: Образы дольнего и горнего» (М., 2008) ничтоже сумняся пишет: «...плоские кровли собора, обусловленные первообразом, несли в себе символическое указание совершенства добродетелей. Авва Дорофей, сравнивая созидание дома душевного со строительством дома каменного, упоминает и перила, ограждающие обычно плоскую на востоке кровлю, которые “суть смирение”. Уничтожение [в 18 в.] балясника и кровель-гульбищ Воскресенского собора не только нарушило архитектурную связь храма с первообразом и с монастырской оградой, но и лишило “великую церковь” тех особенностей, которые имели богослужебное и духовно-нравственное значение. Предстоящим реставрационно-восстановительным работам по собору предстоит решить вопрос о возвращении верхним ярусам храма их первоначальной формы и смысла» (с. 178–179).

А вот как звучит исходный текст из 14-го поучения аввы Дорофея «О созидании и совершении душевнаго дома добродетелей»[21]:

«Кровля же есть любовь, которая составляет совершенство добродетелей, так же как и кровля — верх дома. Потом после кровли перила кругом ея. Что же значат перила кругом кровли? В законе написано о сем: если построите дом и сделаете на нем кровлю, то сделайте около кровли перила, чтобы дети наши не падали с кровли (Втор. 22, 8). Перила[22*], суть смирение, потому что оно ограждает и охраняет все добродетели... Что же суть дети, о которых сказал Закон, чтобы они не падали с кровли? Дети суть помышления, бывающие в душе, которыя должно хранить смирением же, чтобы они не упали с кровли здания» (с. 170).

Очевидно, в логике рассуждений аввы Дорофея образ ограды привлекается для более удобного и понятного восприятия духовной добродетели с опорой на ветхозаветный Закон. Зеленская же образностью своих прозрений в семиотике монастыря Нового Иерусалима балясинам уже однозначно усваивает образ смирения. В тексте ее альбома-монографии эта идея звучит как идея Патриарха Никона, может быть, и не так выпукло, но с легкой руки о. Феофилакта в его интервью РТР она уже конкретно отождествлена исключительно с Никоновым деланием.

В духе подобных авторских передержек и домыслов написана почти вся книга, в целом прекрасно изданная и тем имеющая еще большую силу воздействия. В ней, являющейся по сути одой образно-метафорического сознания, всему, начиная от промыслительности создания Нового Иерусалима и заканчивая символикой изразцов, придается особый смысл. И то и другое безусловно имеет место, но возникает вопрос меры и глубины осмысления — сколько тут от Бога и Патриарха, а сколько от самих «осмыслителей». Действительно, можно позавидовать этим новоявленным авторитетам — все у них от Бога, но с какого же места начинается делание человеческое, самим же Господом и заповеданное?

Оговоримся: нет беды в том, что почитатель памяти Патриарха Никона и исследователь его наследия, излагая результаты своих изысканий (всегда, кстати, построенных на трудах пред-

[19] *Шмидт В.В.* Предисловие: Новый Иерусалим как проблема гражданского попечения // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2009. № 2. Спецвыпуск. С. 5–7.

[20] См., например: *Дорошенко С.М.*. Настоятели Воскресенского монастыря Нового Иерусалима: живая история обители // Там же. С. 175–176.

[21] *Авва Дорофей.* Поучения, послания, вопросы, ответы. М., 1991; репринт: Преподобного отца нашего аввы Дорофея душеполезныя поучения и послания с присовокуплением вопросов его и ответов на оные Варсануфия великаго и Иоанна пророка. Калуга, 1895. С. 167–180

[22*] Такие перила устраивают на Востоке, где крыши делаются в роде террасы.

шественников), высказывает свое видение. Но когда искусствоведческие изыски преподносятся как истины в последней инстанции, да еще и с очевидными изъянами в доказательствах, и это в рассуждениях не о картине, или светском памятнике архитектуры или любом другом арте-факте, но о предметах духовных, о святыне, о великих подвижниках и святых, и более того — о Промысле Божием, тут без духовного трезвения нельзя. Иначе духовный восторг и умиление, помноженные на ум, воспаленный значимостью и величием чести, перенесенным со святыни на себя, легко заведут и исследователя и его завороженных красивыми уверенными речами слушателей далеко от той точки, где Господь, призывая и привлекая, приоткрыл красоту небесной истины, даруя не только приобщение к Иерусалиму Новому, но и возможность по силам потрудиться на его ниве.

Проиллюстрируем сказанное одним из таких современных плодов ново-иерусалимской нивы. «Стремление к правдоподобному воссозданию образа Иерусалима и его окрестностей вынудило создателей Новоиерусалимской обители начать с корректировки рельефа левого, высокого берега реки. Для этой цели в больших количествах использовался насыпной грунт, позволивший, в частности, повысить и несколько расширить плато, по границам которого прошли монастырские стены. В других местах, напротив, были вырыты родники, колодцы, пруды, углублены русла ручьев, а в отдельных случаях даже проложены новые протоки. Так в Подмосковье на довольно обширном участке в несколько километров были воссозданы основные черты Святой земли». Это — цитата из монографии В.Д. Черного «Русские средневековые сады: опыт классификации» (М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. С. 72), восходящая к статье Г.М. Зеленской «Образы Святой Земли в Новом Иерусалиме»[23].

Казалось бы невинное смещение акцентов в описании истории создания Патриархом Никоном монастыря Нового Иерусалима, произведенное Г.М. Зеленской в своем повествовании, — и вот результат: люди, изучающие историю обители по этим сочинениям искренне полагают, что первые строители монастыря во-первых стали копать землю, чтобы воссоздать рельеф древнего Иерусалима, тогда как дошедшие до нас исторические свидетельства позволяют утверждать лишь то, что побудительной причиной сооружения Воскресенского монастыря стала «красота места в разсуждении окружнаго течения реки Истры и благоприятность патриаршаго в путевых проездах отдохновения»[24]. Когда же в 1656 г. Патриарх Никон стал строить свою Воскресенскую обитель, тогда и был подсыпан природный холм на полуострове, образованном руслом реки Истры. И только осенью 1657 г. царь Алексей Михайлович, плененный красотой вида, открывшегося с холма на монастырь с деревянной церковью Воскресения Христова, произнес заветное слово Иерусалим.

Но с какого времени и как вызревала идея Нового Иерусалима в Патриархе Никоне — то неизвестно. Возможно, будущие исследователи смогут приблизиться к ответу на этот вопрос. В монастырских же документах 1781 г. отложилось такое предположение: «...главный к сооружению сего монастыря резон быть видится, принятое им [Патриархом Никоном] намерение, дабы по примеру богородичного Иверскаго монастыря, в коем подражал он Афонской горе, еще заимствовать от Палестины в России Иерусалимский храм Воскресения Христова, вообще Храмом Святаго Гроба Господня именуемый; а сила и власть патриаршая по обстоятельствам тогдашних времен, особливо при благоволении монаршем, все ему обещать могли. По сему, к достижению намерения не осталось ему более, как только пристойного места усматривать, и усмотря, преклонять к согласию государя, в чем он и преуспел»[25].

Для полноты и большей ясности позволим привести еще несколько цитат из того же сочинения Г.М. Зеленской «Новый Иерусалим: Образы дольнего и горнего»:

«Имеют аналоги в главном храме Воскресенского монастыря и “палатки” внутри стен Воздвиженского собора [Крестного монастыря]. В Новом Иерусалиме такие помещения предназначались преимущественно для часовен или приделов. В Кийском соборе они расположены в стенах, отделяющих центральную апсиду от боковых. Попасть в “палатку” можно только по приставной лестнице. Кроме дверного проема, здесь устроено и маленькое

[23] Искусство христианского мира. М., 2000. С. 27–55.

[24] РГАДА. Ф. 1625. Оп. 1. Ед. хр. 71. Л. 1.

[25] Там же.

окошко, что позволяет использовать помещение как место для уединенной молитвы[26*]» (с. 56).

«В наименовании надкладезной церкви (Крестного монастыря — Происхождения Честных древ Креста Господня) также отражена идея преемственности Руси от Византии и единства Православного Востока» (с. 59). Здесь тезис обосновывается лишь содержанием события, в воспоминание которого установлено празднование 1/14 августа.

«Иверский и Крестный монастыри стали для первосвятителя Никона творческой мастерской, где отрабатывались богословско-зодческие идеи, в полной мере воплотившиеся в его главном создании — Воскресенском монастыре Нового Иерусалима» (с. 59).

«В этом, как и во многом другом, он следовал своему духовному образцу — святителю Филиппу» (с. 60). Вот и все! Какие там исследования и доказательства — вывод таков, каким захотим, чтобы он был! А как оно на деле и по сути — не важно, главное — образно и монументально.

«Устав преподобного Иосифа предписывает, цитируя святителя Иоанна Златоуста, при звуке клепала, зовущего на молитву, оставить "вся яже в руках наших обретающаяся" и усердно поспешить "ко Божественному красному пристанищу церковному яко Петр и Иоанн ко гробу Господню"[27]. В Воскресенском уставе эта цитата повторена с добавлением эпитетов, подчеркивающих высокое духовное значение слов "священного Златоуста": "потецем ко Божественому и красному пристанищу всепресвятому церковному, якоже Петр святый и Иоанн богословный ко Гробу Господню всеспасительному"» (с. 61–62). К чему и зачем все это суемудрие (о подобном мы делали замечание в отношении исследований С.К. Севастьяновой)[28]? Знание основ средневековой культуры, логика, как и здравый смысл, знакомство с биографией Патриарха предлагают более простое объяснение сходству цитат: Патриарх хорошо знал творения свт. Иоанна Златоуста, как одного из авторитетных и почитаемых им отцов Церкви, а потому и в уставе Воскресенского монастыря, и в других своих сочинениях он свободно цитирует Златоуста также, как поступали и другие духовные писатели того времени, в том числе и прп. Иосиф Волоцкий.

Все эти особенности, если не говорить *нелепости*, — лишь начало всему тому скудоумному мудрованию, с которым столкнется в современной своей истории и монастырь Нового Иерусалима, и образ великого Первосвятителя в путях эклектично-хаотичного возрождения русской культуры и Церкви, развития идей Русской государственности. Не проще ли начать с малого, но наиважнейшего в этом делании — освоения трудов Святителя церкви Христовой и оставленного им наследия[29], умноженного трудами его боголюбивой братии — строителями и попечителями не только монастыря «Любви торжествующей» — Нового Иерусалима, но и иных, составляющих единое и неразрывное идейно-духовное целое, монастырей никонова строения: Иверского Валдайского — «Любви милосердствующей» и Крестного Кий-островского — «Любви жертвенной».

А чего стоят вдохновляемые все той же Г.М. Зеленской богослужебно-богоустáвные мудрования, вводимые в последнее время в монастыре Нового Иерусалима в практику вместо того, чтобы восстановить традиционное для этой обители духовно трезвящее исполнение на века данных Патриархом Никоном и Царем Феодором Алексиевичем заветов о чинах и порядках, как и собственно историческое установление о почитании памяти Святителя — фундатора места сего?

Опасно уклонение от истины в мир человеческих страстей — опасны елейно-благостные и велеречивые вместо смиренномудрых славословия Промыслу Божию, Патриарху Никону и Новому Иерусалиму. Не проще ли не умалять трудов Святителя и не утверждать святыней того, не понуждать к поклонению яко святыне тому, что лишь эту святыню знаменует?

Не проще ли, не благо ли и душеполезнее начать исполнять боговдохновенные правила соборного монашеского делания при гробнице Святителя, как это было заповедано отцами и им самим через них?

[26*] Это наблюдение принадлежит игумену Феофилакту (Безукладникову). Не исключено, что в алтарных «палатках» могли храниться и предметы церковного обихода.

В. Ш.: Нисколько не умоляем данного суждения — образ столпнического делания налицо, но с другой стороны уж какой-то странной выглядит картина, когда монах, а то и сам Патриарх залезает по приставной лестнице на стену и как кукушка сидит, молясь, в стене во время церковной службы, а то и в отсутствии оной уединяется там, будто больше негде.

[27] Духовная грамота преподобного Иосифа. Глава 1 // Древнерусские иноческие уставы. М., 2001. С. 61.

[28] *Шмидт В.В.* Никоноведение: библиография, историография и историософия // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2008. № 3–4 (44–45). С. 176; *Он же.* Никон, Патриарх: история и истории // Патриарх Никон: История и современность: Мат-лы Всерос. науч. конференции, посвященной 400-летию со дня рождения Святейшего Патриарха Никона. (Саранск, НИИ ГН при Правительстве Республики Мордовия, 27–28 октября 2005). Саранск, 2007. С. 66.

[29] См.: *Патриарх Никон.* Труды / сост. и общ. ред. В.В. Шмидта. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004;
интернет доступ: http://religio.rags. ru/kafedra/source.php; http://www.ferapontovo.ru/index.php3? id=1033

«Некто живущий не в монастыре, но монастырски, слышал в видении: монастыри плачут и вопль их восходит на небо. Я думаю, — писал святой святитель Филарет, — что монастыри плачут о том, что живущие в них много строят стен каменных, а мало пекутся о созидании дома душевнаго...»[30].

«Как скучно видеть, что монастыри все хотят богомольцев и дохода с богомольцев, то есть сами домогаются развлечения и искушения. Правда, им недостает иногда способов; но более недостает нестяжания, простоты, надежды на Бога и вкуса к безмолвию»[31].

Известно ведь, что сила в немощи свершается: прилагай молитву к посту, пост к трудам, стяжай дух мирен и умножится и воссияет слава Божия и в тебе и окрест тебя, и камни оживут и сад процветет — и восторжествует слава Божия в доме Его.

А до того, пока налетевшие новоявленные делатели будут радеть о тщете мира и печщися о славе своей и своем возвеличении, пока лишь человечьим мудрованием будет преисполнено суетное делание одних, а другие будут поспешать в устроении святынь, полагая надежду на их территориально-каноническое попечение, будут рассеяни и разорени будут плоды их труда и исполнится по псалмопевцу слово пророческое: «*Даждь им, Господи, по делом их и по лукавству начинаний их; по делом руку их даждь им, воздаждь воздаяние их им. Яко не разумеша в делам Господня и в дела руку Его; разориши я и не созиждеши я*» (Пс. 27, 4–5).

Остерегайтесь, и блюдитеся, яко опасно ходите, ибо онасилование дома Божия суть богооставленность святыни сей — дух и мерзость запустения водворятся там, а оттого и все приложенные человечьим мудрованием и силами труды разорены будут, сами же горделивые дельцы места сего низвержены будут в забвение небытия яко восставшие на Имя и славу Божию. Но пока «есть еще время до срока» (Дан. 11, 35), пока еще сохраняется благочестие в сердце, понуждающее преклонение выи главы своея[32], поставите, о правии, препону злочестивому делателю виноградника.

Говоря иными словами, государство и общество, заботясь о перспективах своего бытия, обязано создавать лишь условия, которые обеспечивали бы сохранение исторической памяти народа и преемственное развитие его духовной и материальной культуры, а также условия приличествующие делателям этой жизни. Как и некогда, так и теперь делателям не только должно воспарять духом и провидеть, но и прилагать усердие рук своих к свершению замысленного. В противном случае наемники, а не сыны будут устроителями насажденного отцами виноградника, и итог такого безответственного делания не замедлит себя ждать.

Так пусть же делателями будут сыны, взрастающие в винограднике и этот же виноградник возделывающие, — и плоды не замедлят себя ждать — жатва будет великая и полезная, в том числе и обществу, и государству, которое должно лишь радеть о винограднике и виноградарях, и не превращать их в наемников, и не посылать своих соглядатаев и устроителей — не его, государства, и не их, наемников, та честь и служение[33], ибо сказано еще псалмопевцем: «*Аще не Господь созиждет дом, всуе трудишася зиждущии: аще не Господь сохранит град, всуе вбе стрегий. Всуе вам есть утренневати: востанете по седении ядущих хлеб болезни, егда даст возлюбленным Своим сон. Се достояние Господне сынове, мзда плода чревняго*» (Пс. 126, 1–3).

Исходя из сказанного и представленного Фондом отчета по итогам экстренных противоаварийно-спасательных работ за первый год[34] — по сути экспериментов в деле государственного возрождения монастыря, очевидно: назрела острая необходимость кардинально пересмотреть отношение первых лиц к происходящему и скорректировать позицию государства в данном вопросе, поскольку ситуация на этом уникальном памятнике истории и культуры в ходе развернутой активности собравшихся там наемников оказалась «...еще сложнее, чем была 15 лет назад, так как любые действия нового Фонда... освящены авторитетом первых лиц государства, хотя очевидно, что они просто не могут

---

[30] *Филарет* (*Дроздов*), *митр*. Письма к наместнику Лавры Афанасию // Прибавления к Творениям Святых Отцев. 1886. № 139.

[31] *Филарет* (*Дроздов*), *митр*. Письма к С.Д. Нечаеву. СПб., 1895. № 58.

[32] Новый Иерусалим: альбом-антология. М., 2010. С. 347.

[33] См.: «Цели и предмет деятельности Фонда» п. 2.1; 2.2.7–9; также см. «Благотворительную программу Фонда...», например, п. 4 — комплекс мероприятий. См. их анализ здесь — ниже.

[34] См. сайт Фонда: http://www.ierusalimfond.ru/pages/main/1196/index.shtml

быть в курсе принятых решений»[35] (мы полностью солидарны с этими выводами автора «Летописи передачи Новоиерусалимского монастыря Русской Православной Церкви» Н.А. Колотий).

Очевидно, что боговдохновенное желание и столь значительная решимость в деле воссоздания былого благолепия Воскресенского монастыря Нового Иерусалима, созданные к тому условия, если еще не привели, то поступательно ведут монастырь к небывалому в его истории разорению (о такой возможности мы говорили ранее[36]). Свидетельством тому — узурпация Фондом жизни не только монастыря, но и музея, но и более — духовно-хозяйственной, творческой самостоятельности и академической объективности специалистов и институций, развивающих предметную область никоноведения.

Удивительно ли это? — Нет.

Надо полагать, эйфорическое переживание великого патронирования после долгих лет забвения памятника затмило осознание тех тонких моментов — принципов кормления и безответственности, — которые положены в основу учрежденного Фонда, а теперь разоряют суть самостоятельности монастыря-памятника и той великой идеи, ради которой и был учрежден Фонд — оказания содействия восстановлению великой святыни русского мира. Обратим внимание лишь на некоторые.

В Уставе Фонда[37] в п. 2.1 среди целей деятельности означено оказание помощи Воскресенскому монастырю в осуществлении духовно-просветительской деятельности, содействие деятельности Русской Православной Церкви в сферах духовного развития личности (не наоборот, а именно так!) и — не много, ни мало — даже оказание *духовной помощи как на территории Российской Федерации, так и за ее пределами*.

Для достижения целей (п. 2.2), не монастырь, но Фонд и *даже не по поручению монастыря, а непосредственно* осуществляет следующие основные виды деятельности: проводит художественные, благотворительные, просветительские и иные конкурсы (2.2.2), связанные с историей, деятельностью и значением монастыря, а также другие конкурсы в сфере русской православной культуры с выдачей грамот, сертификатов и других почетных знаков Фонда;

не монастырь, но Фонд заказывает и/или создает интернет-ресурсы (2.2.4) в том числе для информирования, просвещения и духовного воспитания; проводит культурные мероприятия (2.2.5), а также освещает их в средствах массовой информации;

не монастырь, но Фонд организует и проводит конкурсы для выбора организаций (2.2.7), привлекаемых к восстановительным, реставрационным, строительным и иным работам по ансамблю монастыря, отдельным зданиям, строениям, в том числе утраченным, и участкам монастырской территории, а также другим святыням русской православной культуры;

и уж совсем нелепо — *не монастырь, не полномочные представители монастыря и РПЦ, в крайнем случае — музея*, который как никто другой в лице своих сотрудников знает эту святыню-памятник, поскольку именно их усердным и заинтересованным деланием она изучалась, сберегалась, восстанавливалась и реставрировалась в годы лихолетья, *но Фонд* организует и проводит историко-архивные, археологические, топографические и иных исследования (2.2.8), связанные с монастырем; организует и проводит компании и мероприятия по поиску и возврату вывезенных с территории монастыря, в том числе считавшихся утраченными, элементов убранства, церковной утвари и иных культурных ценностей (2.2.10).

Эти заявленные в Уставе цели полностью дублирует Благотворительная программа Фонда (см. п. 3.1), в которой для решения задач в п. 4 определен поэтапный комплекс мероприятий**.**

Прежде, чем их исчислить, зададимся вопросом: *исходя из каких духовно-нравственных установок и правовых, наконец, оснований возможно такое дерзновенное вмешательство в дела отрасли и жизни, никак не принадлежащей и не относящейся к сфере деятельности по сути гражданских организаций, которая не делают даже малых усилий, чтобы смягчить нелепость — не оговаривают, что они действуют по поручению?*

Обращая внимание на это, мы далеки от мысли, что ни государство, ни его учреждения, ни создан-

[35] См. сайт благотворительного фонда «Русская Палестина»: http://www.ruspal.ru/letopis.doc

[36] См.: *Шмидт В.В.* Предисловие: Новый Иерусалим как проблема гражданского попечения // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2009. № 2. Спецвыпуск. С. 16, 21–23.

[37] См. сайт Фонда: http://www.ierusalimfond.ru

ные им организации не должны взаимодействовать с религиозными организациями и оказывать им всемерную помощь. Наоборот — должны! Но должны делать это рассудительно, уважительно, не подменяя своей деятельностью деятельность и служение религиозных организаций; не должны своей активностью подменять созидательное и творческое начало религиозного духа, узурпируя воле- и благоопределения Церкви. По данному вопросу можно привести еще множество и других суждений, указывающих на некорректность методов, форм взаимодействия и нелепость складывающейся гражданско-правовой практики в сфере государственно-церковных отношений современной России, которые требуют незамедлительной корректировки и совершенствования законодательной базы, их определяющих и регулирующих.

Итак, на всех трех планируемых этапах (обратим внимание, что в действительности с учетом современной законодательной нормы — почти навсегда) *именно Фонд, а не монастырь или в крайнем случае музей, обеспечивает полномасштабный комплекс мероприятий*, оставляя за собой согласно Уставу все права на информационные ресурсы и объекты результатов интеллектуальной деятельности (п. 3.2), не говоря об имуществе.

Так, *на 1-м — подготовительном — этапе* Фонд, а не монастырь:

проводит конкурсы по выбору организаций, привлекаемых к восстановительным, реставрационным, строительным и иным работам по монастырю;

разрабатывает Концепцию воссоздания исторического облика монастыря с учетом церковно-богословского подхода на основании *имеющихся* историко-архивных документов и материалов *современного изучения объекта*;

проводит предварительные и подготовительные работы, определяет аварийные зоны и объемы консервационных мероприятий;

получает предварительные заключения о состоянии зданий ансамбля монастыря и проводит первоочередные и противоаварийные работы;

разрабатывает программы научно-исследовательских работ;

проводит комплексные исследования, научно-исследовательские и изыскательские работы, в том числе: сбор и анализ историко-архивных и библиографических сведений о монастыре; топографо-геодезические работы; инженерно-изыскательские работы; инженерно-техническое обследование; инженерно-геологические изыскания; инженерно-экологические исследования; гидрологическое и гидрогеологическое исследование территории; археологические исследования и пр.;

формирует научно-проектную документацию.

На *2-м — основном — воссоздание исторического облика монастыря — этапе* Фонд, а не монастырь:

разрабатывает направления реставрации и очередность производства работ;

вырабатывает принципы реставрации, разрабатывает проект реставрации и приспособления помещений комплекса монастыря к современным условиям;

проводит работы по укреплению объектов монастыря и грунтов холма, на котором расположен монастырь;

проводит реставрационные работы;

проводит работы по воссозданию утраченных объектов монастырского комплекса;

проводит работы по воссозданию интерьеров зданий монастырского комплекса;

проводит работы по воссозданию исторического ландшафта и сакральной топографии Подмосковной Палестины;

проводит экологические работы (очистка реки Истра, Кедронского потока и прудов от загрязнений, восстановление Гефсиманского сада);

выполняет специализированные работы на монастыре (водопровод, отопление, электроосвещение, пожарная сигнализация и др.);

проводит озеленительные работы по территории монастырского комплекса.

И только лишь *на 3-м — заключительном — этапе* Фонд ***окажет помощь*** монастырю в создании паломнического, информационного и образовательного центра.

Очевидно, что Фонд, взяв на себя функции организатора всего комплекса означенных работ, их регулирование и контроль за их исполнением, как и подбора основных исполнителей, стал главным если не вершителем судеб, то уж точно распорядителем этого уникального монастыря-памятника вместо того, чтобы быть инструментом в деле обеспечения его потребностей с учетом потребностей в нем пребывающих монастыря и музея, которые там, являясь по сути все же главными действующими лицами, оказались вытесненными из жизни и теперь исполняют роль падчериц Фонда.

Отказав последним в организаторских способностях и чтобы они — монастырь и музей, как и в целом культура — не чувствовали себя уж совсем обездоленными, если не сказать изгоями, им оставлен удел — быть членами Экспертного совета, который даже наделили особыми полномочиями — рассуждать о нуждах памятника и экспертировать предлагаемые проекты, правда с оговорками:

«п. 1.2. Совет является консультативным органом, действующим на общественных началах на безвозмездной основе... 1.4. Решения Совета, его рабочих групп, а также заключения по результатам консультаций и экспертиз, носят рекомендательный характер»;

«п. 4.5. ...перечень вопросов, вносимых на его рассмотрение, определяются Председателем Совета

по согласованию с Исполнительным директором Фонда и Генеральным проектировщиком»;

«п. 2.2.6. ...*По согласованию* с Исполнительным директором Фонда поддерживает взаимодействие с научными и деловыми кругами, профильными общественными организациями и объединениями», *а в инициативном порядке что — недопустимо*?

Остановимся на важных, на наш взгляд моментах, относящихся к Экспертному совету, который действует при Председателе Правления и подотчетен (п. 5.1) ему.

Участие в Экспертном совете осуществляется на принципах добровольности и гласности тех лиц (ученых и высокопрофессиональны практиков в области архитектуры, реставрации, строительства и охраны объектов культурного наследия — п. 3.1), которые приглашаются Фондом в письменной форме. *При этом*, *правда*, *нигде не оговаривается*, *кто отбирает/вносит кандидатуры к рассмотрению*, *как и собственно процедура выбора кандидатов к Совет*.

Ему определяются якобы широкие полномочия: «п. 1.6. ...по согласованию с Фондом взаимодействует в своей работе с представительными и исполнительными органами власти, органами местного самоуправления и другими организациями, [а] члены Совета, при необходимости, имеют право знакомить кого-либо с материалами и информацией, полученными в ходе работы Совета», но дается *серьезное ограничение* — «по письменному согласованию с Исполнительным директором Фонда».

На Совет возлагается ответственное дело — оказание помощи Фонду в воссоздании исторического облика ансамбля монастыря (п. 2.1) — решать следующие задачи:

осуществлять сбор, систематизацию и изучение архивной документальной информации (п. 2.2.1);

определять основные концептуальные направления реставрации и характеристику ее конечной цели (п. 2.2.2);

вносить предложения и рекомендации по содержанию Концепции реставрации и приспособления монастыря к современному использованию с *учетом законодательства Российской Федерации*, *а также богословской и церковно-архитектурной составляющей* (п. 2.2.3). Обратим внимание, что никак не наоборот!

предоставлять рекомендации по разработке программ комплексных исследований, проектной документации, а также по проведению проектно-изыскательских и реставрационно-восстановительных работ (п. 2.2.5.).

И вот оно — наиважнейшее из того, чем должен был бы заниматься Фонд, будь он инструментарием, будь он для нужд монастыря и музея, а не вместо монастыря и музея, — его, Фонда, функция-задача оказалась на плечах тех, у кого вообще нет административного ресурса: оказывать помощь в получении необходимых согласований/разрешений в соответствии с требованиями действующего законодательства в области охраны объектов культурного наследия (п. 2.2.4) и содействовать в привлечении научных организаций и специалистов для осуществления деятельности Фонда (п. 2.2.6).

Рассмотрев основные принципы, компетенции в деле организации Фондом великих работ, теперь обратим внимание лишь на детали, которые говорят сами о себе.

Согласно п. 1.2 Экспертный совет действует на общественных началах на безвозмездной основе, а вот на оплату труда административно-управленческого персонала Фонда, согласно п. 3.4., не более 20% всех финансовых средств, расходуемых Фондом за финансовый год (данное ограничение не распространяется на оплату труда лиц, участвующих в реализации благотворительных программ). Думается, что в современных экономических условиях рядовому гражданину, на которого направлена активная рекламная кампания Фонда по сбору пожертвований, просто невозможно представить объемы личных доходов привлеченных к административным работам сотрудников Фонда.

Ну и как в таких обстоятельствах не подивиться происходящей на памятнике и около него бузу-держной активности и суете по суемудрию новоявленных «ведов» никоно-новоиерусалимской проблематики и захвату сфер влияния? Как вообще этот монастырь-памятник еще стоит?

Не ровен час и вскоре мы услышим авторитетно обоснованное и единственно возможное и правильное, что монастырь в исследовательских целях лучше демонтировать, а затем возвести с учетом новых научных открытий, технологических возможностей и, конечно же, инноваций, без которых ныне никуда. Вот это и будет тот Новый Иерусалим! — Не к этому ли началась подготовка, если Президент и Патриарх не смогли войти в стены реставрируемой обители в путях промысла Божия о мире?

Повторим: прошел всего год, и за столь короткий период столь возвышенная идея, формализовавшись в уставных и программных положениях Фонда, выхолостила дух идеи, а потому становится все более опасной в своих проявлениях — организуемых плодах рук человеческих.

Бессмысленно освобождать помещения и выводить музей и музейных работников, если не собирается братия, которая несет молитвенный подвиг и благоукрашает дом свой, прообразуя в этом делании стяжаемый Рай. При этом, по слову уже неоднократно привлекаемого нами святителя Филарета, «монахов нельзя выписывать, как товар: надобно завести их, а это делается вниманием управления»[38]. Что сталось, как используются уже освобожденные музеем, который, кстати, трудом своих сотрудников поднял эту святыню из послевоенных руин, помещения? — Они пустынны — в них все еще не начала жительствовать жизнь.

Так же бессмысленно бросать гигантские ресурсы, чтобы, произведя, как замышляется, беспрецедентную реставрацию, онелепить в итоге все сделанное — превратить собственно монастырь в квазимузей, музеефицируя теперь в нем уже и ту немногочисленную братию. Как ни странно, но до такой нелепости не дошла даже постмодернистская Европа, переживая последствия экзистенциального сюрреализма и эклектичного полионтологизма.

Но разумно и благополезно:

1) создать условия к спасению именно памятника истории культуры, каким является архитектурно-ландшафтный комплекс Воскресенского монастыря Нового Иерусалима:

а) усовершенствовать организационно-управленческий инструментарий — реорганизовать Фонд, скорректировав его структуру и полномочия, но главное — его идеологическую составляющую, исходя из принципа невмешательства во внутренние дела организаций, содействию в развития которых он создан. За Фондом целесообразно сохранить только функции сбора и аккумуляции средств, а также исполнителя решений Попечительского совета и Экспертного совета, функции и полномочия которого также должны быть пересмотрены в сторону большей самостоятельности, если вообще не создать для этих целей государственно-общественную комиссию с широкими полномочиями;

б) провести землеустроительные и землеохранительные мероприятия;

2) проводя землеустроительные работы, обеспечить полномасштабные разноотраслевые научно-исследовательские работы на объектах памятника, осваивая оставленное предками историко-культурное наследие, ныне распыленное по различным музейным коллекциям и хранилищам — музеям, библиотекам, архивам;

3) укрепить объекты памятника, проведя на них комплекс консервационных мероприятий;

4) учитывая разоренность и распыленность монастырского наследия (музыкально-богослужебные и внебогослужебные тексты, собрания святоотеческого и художественного наследия и т.д.), духовно-культурную его значимость как для возрождения монастыря, так и для культуры в целом, для обеспечения его активного освоения провести его фиксацию и тиражирование — комплекс научно-исследовательских и издательско-полиграфических мероприятий по введению в научный, культурный оборот и монастырский обиход;

5) оставить монастырь монастырю — становлению, жительству в нем духа умного монашеского делания и братолюбия, укрепляемых Подвигоположником Христос, Который незримо посреде них и есть и будет; стяжание же духа мирна, взогревание сердца в переживании образов мира Горнего явит духопросвящееное, духоумудренное проявление в монашеском смиреннодении процветание обители, к устроению благолепия которой и будут призываться, будут прилепляться, будут радеть и более — иметь на то и иметь к тому напечатленное в сердце и уме своем Божие благословение истинные делатели, а не наемники. И не государством образованному Фонду быть там организатором всего и вся, не Фонду быть там попечителем — дерзко это и бессмысленно как и наивно в деле Божия смотрения полагаться на человеков.

Оставляя монастырь — удел Божия смотрения — делателям нивы Христовой — насельникам святой обители, — да никто не вторгнется и не онасилует мир этой жизни, о чем не раз говорил и с чем боролся Святейший Патриарх Никон! Не государевым повелением и не мирским суемудрием должна писаться программа развития святой обители, какой бы значительной в истории мира она не была, а водительством благодати Духа Святого в молитвенном предстательстве к фундатору места сего — Святейшему Никону, Патриарху Московскому, и подвигам всех зде почивших братий. В этой связи вспоминается образное суждение Святейшего Патриарха Кирилла, высказанное 29 декабря 2009 г. во время его визита в Российскую академию государственной службы при Президенте Российской Федерации. На вопрос «*в последние годы активно обсуждается мысль о необходимости выработки того, что называют "национальной идеей", хотелось бы услышать Ваше мнение, о том, насколько сегодня*

[38] *Филарет* (*Дроздов*), *митр.* Письма к духовным лицам. Тверь, 1888. С. 76.

это необходимо и возможно и какие принципы могли бы лечь в ее основу?» Его Святейшество сказал:

«...я не знаю, нужно ли вербально представлять эту идею, она ведь живет в нашем народе; есть ценности, которые для нас являются базисными — это любовь к своему Отечеству, это наш нравственный код, это благоговейное отношение к окружающему нас миру, к природе, которое, к сожалению, в повседневной практике сплошь и рядом нарушается, это уважение к старшим, это почитание родителей, это нравственная целостность личности, святость семейных отношений. Есть ценности, которые мы впитали с молоком матери: когда мать говорит своей дочке "Не надо так поступать. Это — плохо", она не удосуживается приводить какие-нибудь аргументы, она просто говорит, что это — плохо. В нормальной семье ребенок так и воспринимает, что это — плохо. А мать-то почему так говорит? Она, что специальные университеты заканчивала? — Она также с молоком матери на генетическом уровне впитала эту систему ценностей и теперь передает ее своей дочурке. Опасность заключается в том, что сегодня все эти ценности подвергаются сомнению, потому что сама эта эпоха так называемого постмодерна исключает понятие объективной истины, а доминирует плюрализм мнений: верь, во что хочешь, — делай, что хочешь. Ты являешься автономным в решении любых, касающихся тебя вопросов, ты — мерило добра и зла. Страшная эпоха. И она откладывает отпечаток, в том числе и на научное сообщество.

Я понимаю, что нужно с научной тщательностью разбираться, изучать особенности нашей истории, но ведь с ними связаны священные воспоминания, в том числе и с жертвами, которые наш народ принес во Второй мировой войне — Великой Отечественной войне. И когда в угоду вот этому постмодерну распространяются идеи, которые разрушают священные для человека и народа воспоминания, они, эти идеи, разрушают нравственное начало. Это был лишь один пример, а таких примеров может быть множество. Поэтому я думаю, что система культурно-национальных ценностей существует и ее надо оберегать.

Я часто обращаюсь к политическим партиям и говорю: для того, чтобы в нашей стране была стабильность, политические программы (партийные программы) не должны посягать на базисные ценности. Дело политики — это надстроечные ценности. В философии марксизма, например, базисной ценностью была экономика; для меня же она — надстроечная ценность. Так вот, политики должны заниматься экономикой: у одних — один взгляд на национализацию, на приватизацию, у других — иной. Это естественно — кто-то предпочитает чай с лимоном, кто-то с молоком — это пожалуйста. Так же обстоит дело и в области политических стратегий — выстраивать ли отношения с Западом, с Востоком, с Югом, с Севером — дело предпочтений и интересов. А вот посягать на традиционные, на наши базисные ценности не должна ни одна партия. Тогда и выборы у нас не будут сопровождаться ожиданием коллапса или какого-то радикального разрушения всего того, что есть в стране.

Все это я говорю к тому, что бы еще раз подчеркнуть, что эта наша национальная идея находится именно на этом — внутреннем, духовном, культурном и даже интеллектуальном уровне, который передается традицией, она присутствует в жизни нашего народа, проникнута и составляет его жизнь.

Нужно ли писать трактат? У меня это вызывает некоторое сомнение.

Я вспоминаю, как в 90-е годы на одной из подмосковных дач собралась группа интеллектуалов и политиков, которые решили написать нам национальную идею. К счастью, ничего не получилось.

Национальную идею нельзя написать, ее нельзя спустить сверху, нельзя принять на партийном съезде и сказать, что "Это и есть национальная идея". Национальная идея есть самопонимание народа, самоидентификация народа, в первую очередь именно в системе этих базисных ценностей.

А вот писать на эту тему, говорить на эту тему нужно как можно больше».

Обращаясь к этим словам, понимаешь, что они в полной мере относятся к ныне создаваемой программе развития Воскресенского монастыря. Заманчиво, конечно, и любопытно предугадывать Божие промысление о мире и его судьбах, но не безумие ли это? А вот писать о монастыре, исследовать его историю и наследие, прилагать труды к его развитию — дело нужное и благополезное и монастырю, и обществу, и культуре в целом.

Так что пусть уж каждый по мере сил своих и возможностей занимается своим деланием: пусть трудники трудятся, молитвенники молятся, а государство создает им приличествующие их деланию условия; пусть государственники умудренно правят народами, а священники с боговдохновенно кротостью просвещают и отправляют духовные их потребы; пусть мирские строят упорядоченной жизни города, а монашествующие — возвышенной умиротворенности святые обители. Пусть каждый пребывает в чине и мере своего воззвания и ответственности: пусть солнце будет солнцем, а луна луною, пусть государство будет естественно-природным установлением, а Церковь — богоучрежденным, и природы и основания их от суемудрых человек не смешиваются, как бы того и кому бы не вожделелось. Воцарившись однажды мир и порядок в умопредставлении, воцарит его и в жизни общественной.

© Шмидт В.В., 2009